

Л. ЛУКИНА, Е. ЛУКИН
**ОТДАЙ МОЮ
ПОСАДОЧНУЮ НОГУ**

ВЕЧЕ

Любовь Александровна Лукина
Евгений Юрьевич Лукин
Отдай мою посадочную ногу
Серия «Новая библиотека
приключений и научной фантастики»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56537605
Отдай мою посадочную ногу: Вече; Москва; 2020
ISBN 978-5-4484-8293-9

Аннотация

Любовь и Евгений Лукины – одни из наиболее ярких представителей поколения отечественных фантастов, вошедшего в литературу в 1980-е годы. Их повести и рассказы – то гомерически-смешные, то трагически-грустные – сразу же попадали в поле зрения читателей, становились украшением различных сборников и антологий. Теперь уже можно с уверенностью сказать, что они прошли испытание временем.

В книги «Летним вечером в подворотне» и «Отдай мою посадочную ногу» впервые включены все произведения, написанные звёздным дуэтом.

Содержание

Когда отступают ангелы	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	40
Глава 7	47
Глава 8	57
Глава 9	66
Глава 10	72
Глава 11	80
Глава 12	89
Глава 13	100
Глава 14	106
Глава 15	114
Глава 16	121
Глава 17	128
Глава 18	135
Глава 19	143
Конец ознакомительного фрагмента.	149

**Евгений Лукин,
Любовь Лукина
Отдай мою
посадочную ногу**

© Лукина Л.А., Лукин Е.Ю., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Когда отступают ангелы

Глава 1

Всё, что требовалось от новичка, – это слегка подтолкнуть уголок. Стальная плита сама развернулась бы на роликах и пришла под нож необрезанной кромкой. Вместо этого он что было силы упёрся в плиту ключом и погнал её с перепугу куда-то в сторону Астрахани.

На глазах у остолбеневшей бригады металл доехал до последнего ряда роликов, накренился и тяжело ухнул на бетонный пол. Наше счастье, что перед курилкой тогда никого не было.

Первым делом мы с Валеркой кинулись к новичку. Оно и понятно: Валерка – бригадир, я – первый резчик.

– Цел?

Новичок был цел, только очень бледен. Он с ужасом смотрел под ноги, на лежащую в проходе плиту, и губы его дрожали.

А потому мы слышали хохот. Случая не было, чтобы какое-нибудь происшествие в цехе обошлось без подкранового Аркашки.

– Люська! – в восторге вопил подкрановый. – Ехай сюда! Гля, что эти чудики учудили! Гля, куда они лист сбросили!

Приехал мостовой кран, из кабины, как кукушка, высунулась горбоносая Люська и тоже залилась смехом.

Илья Жихарев по прозвищу Сталевар неторопливо повернулся к Аркашке и что-то ему, видно, сказал, потому что хотеть тот сразу прекратил. Сам виноват. Разве можно смеяться над Сталеваром! Сталевар словом рельсы гнёт.

С помощью Люськиного крана мы вернули металл на ролики и тут только обратили внимание, что новичок всё ещё стоит и трясётся.

Сунули мы ему в руки чайник и послали от греха подальше за газировкой.

– Минька, – обречённо сказал Валера, глядя ему вслед. – А ведь он нас с тобой посадит. Он или искалечит кого-нибудь, или сам искалечится.

– С высшим образованием, наверно... – сочувственно пробасил Вася-штангист. – Недоделанный какой-то... Диплом, небось, под яблоней прикопал, а сам – сюда, деньгу зашибать...

– Брось! – сказал Валера. – Высшее образование! Какое, к бесу, высшее? Двух слов связать не может...

Впятером мы добились по-быстрому последние листы пакета и, отсадив металл, в самом дурном настроении присели на скамью в курилке.

– Опять забыл! – встрепенулся Сталевар. – Как его зовут?

– Да Гриша его зовут, Гриша!..

– Гриша... – Сталевар покивал. – Григорий, значит... Так,

может, нам Григория на шестой пресс перебросить, а? У них вроде тоже человека нет...

– Не возьмут, – вконец расстроившись, сказал бригадир. – Аркашка уже всему цеху развонил. И Люська видела...

Старый Пётр сидел прямой, как гвоздь, и недовольно жевал губами. Сейчас что-нибудь мудрое скажет...

– Вы это не то... – строго сказал он. – Не так вы... Его учить надо. Все начинали. Ты, Валерка, при мне начинал, и ты, Минька, тоже...

В конце пролёта показался Гриша с чайником. Ничего, красивый парень, видный. Лицо у Гриши открытое, смуглое, глаза тёмные, чуть раскосые, нос орлиный. Налитый всклень чайник несёт бережно, с чувством высокой ответственности.

– А как его фамилия? – спросил я Валерку.

Тот вздохнул.

– Прахов... Гриша Прахов.

– Тю-тельки-матютельки! – сказал Сталевар. – А я думал, он нерусский...

Красивый Гриша Прахов остановился перед скамьёй и, опасливо глядя на бригадира, отдал ему чайник.

– Ты, мил человек, – сухо проговорил Старый Пётр, – физическим трудом-то хоть занимался когда?

Тёмные глаза испуганно метнулись вправо, влево, словно соображал Гриша, в какую сторону ему от нас бежать.

– Физическим?.. Не занимался...

– Я вот и смотрю... – проворчал Старый Пётр и умолк до

конца смены.

– Гриш, – дружелюбно прогудел Вася-штангист. – А ты какой институт кончал?

– Институт?.. Аттестат... Десять классов...

Сталевар уставил на него круглые жёлтые глаза и озадаченно поскрёб за ухом.

– Учиться – не учился, работать – не работал... А что ж ты тогда делал?

И мне снова почудилось, что Гриша сейчас бросится от нас бежать – сломя голову, не разбирая дороги...

Но тут загудело, задрожало – и над нашей курилкой проехал мостовой кран.

– Эй! – пронзительно крикнула Люська и, свесившись из окна кабины, постучала себя ногтями по зубам.

Валерка встал.

– За нержавеющей поехала, – озабоченно сказал он. – Пошли, Григорий, металл привезём...

Он сделал два шага вслед за Люськиным краном, потом остановился и, опомнясь, посмотрел на Григория. Снизу вверх.

– Или нет, – поспешно добавил он. – Ты лучше здесь посиди отдохни... Вася, пойдём – поможешь.

Ни на приказ бригадира, ни на отмену приказа Гриша Прахов внимания не обратил. Он глядел в конец пролёта, куда уехала Люська. Потом повернулся к нам, и видно было, что крановщица наша чем-то его потрясла.

– Кто это? – отрывисто спросил он.

– Крановщица, – сказал я.

– А это?.. – Он постучал себя ногтями по ровным белым зубам.

– Нержавейка, – сказал я.

– А почему...

– А потому что из неё зубы делают.

– А-а... – с видимым облегчением сказал он и опять устался в конец пролёта, где прыгали по стенам и опорам красные блики с прокатного стана.

* * *

Отработали. Пошли мыться. Выйдя из душевой, в узком проходе между двумя рядами шкафчиков я снова увидел Гришу Прахова. Оказалось – соседи. Вот так – мой шкафчик, а так – его.

– Ну и как тебе, Гриша, у нас?

И знаете, что мне на это ответил Гриша Прахов? Он как-то странно посмотрел на меня и тихо проговорил:

– Какие вы все разные...

И больше я ему вопросов не задавал. Ну его к чёрту с такими ответами!..

Да и торопился я тогда – хотел ещё забежать в универмаг к Ирине, договориться, что делаем вечером. Быстро одевшись, я закрыл шкафчик, но взглянул на Гришу Прахова – и оста-

новился.

Гриша надевал просторную, застиранную почти до потери цвета... Нет, не рубаху. Я не знаю, как это называется. То, что он в конце концов надел, не имело воротника и завязывалось под горлом двумя тесёмками. На самом видном месте, то есть на пузе, мрачно чернел прямоугольный штамп. Кажется, больничный.

Затем Гриша погрузился в штаны. Штаны эти, наверное, не одна канава жевала. Они были коротки и всё норовили упасть, пока Гриша не перетянул их по талии верёвочкой, сразу став неестественно широкобёдрым.

Пиджак был тесен и сгодился бы разве что для протирки деталей. Напялив его, Гриша выдохнул и с хрустом застегнул треснувшую пополам единственную пуговицу.

Снова полез в шкафчик и достал оттуда... Ну, скажем, обувь. Оба каблука были стоптаны, как срезаны, причём наискосок – от внутренней стороны стопы к внешней.

Надев эти отопки прямо на босу ногу, Гриша закрыл шкафчик и тут только заметил, что я на него смотрю.

– Так я пойду? – встревоженно спросил он.

Я кивнул.

Рискуя вывихнуть себе обе ступни, Гриша Прахов неловко развернулся в узком проходе и, нетвёрдо ступая, направился к выходу между двумя рядами шкафчиков.

Я застегнул куртку и вышел следом. Пересменка кончилась, в раздевалке уже никого не было. Только у входа в ду-

шевую стоял голый Сталевар с полотенцем через плечо. Вытаращив глаза и отвесив челюсть, он смотрел на дверь, за которой, надо полагать, только что скрылся Гриша Прахов.

Глава 2

Пройдя через стеклянный кубик проходной, я увидел Люську. Куртейка на ней – импортная, джинсы – в медных блямбах, на скулах – чахоточный румянец по последней моде. Не иначе жениха поджидает.

– Ты что же это передовиков обхохатываешь? – грозно сказал я. – Смотри! Ещё раз услышу – премии лишу.

Люська запрокинула голову и рассмеялась.

– Ой! Передовики! Раз в жизни Сталевар на пьянке не поймался – так уж сразу и передовики!..

Выпрямить ей нос – цены бы девке не было. А если ещё и норов укоротить...

– А что ж ты думала? – сурово спросил я. – Не пойман – значит передовик!.. С тебя ещё за простой вычесть надо. Из-за кого мы сегодня лист в курилку сбросили? Не из-за тебя что ли?

– Эх ты! – поразились Люська. – Это как же?

– А так! Новичок как тебя увидел – у него тут же пробки и перегорели. И так вон ничего не соображает, а тут ещё ты со своим краном едешь...

Вместо ответа Люська изумлённо округлила глаза. Это мне очень напомнило недавний взгляд Сталевара, и я обернулся.

Вдоль бесконечно длинной Доски почёта, рассеянно по-

смастривая на портреты, ковылял на подворачивающихся каблуках Гриша Прахов. С ума сошёл! Через первую проходную – в таком виде!

– Ой!.. – потрясённо выдохнула Люська. – Что это на нём?

– Тихо ты! – цыкнул я. – Не мешай...

Гриша Прахов как раз проходил мимо моего портрета. Покосился равнодушно и не узнал. Да и немудрено. Я сам себя на этой фотографии узнать не мог.

Дальше был портрет Люськи. Гриша вздрогнул и медленно повернулся к стенду лицом.

– Всё, – сказал я. – Готов. Завтра он точно кого-нибудь листом пришибёт. По-моему, тебя, Люсенька, увольнять пора.

Люська заморгала и уже открыла рот, чтобы отбрить меня как следует, когда над ухом раздался знакомый ленивый голос:

– Это кто ж тут у меня девушку отбивает?

Сверкающая улыбка в тридцать два зуба, а над ней радужные фирменные очки в пол-лица. Валька Бехтерь с Нижнего поселка. Ну-ну... Люське, конечно, видней.

– Отчего же не отбить? – говорю. – День-то какой!

Улыбается Валька Бехтерь. Весело улыбается. Широко.

– Да, – говорит. – Ничего денёк. Солнечный...

Что-то мне в его голосе не понравилось, и, зная про наши с Бехтерем отношения, Люська быстренько подхватила его под руку.

– Ну ладно, Миньк! Привет!

– Привет-привет, – говорю. – До встречи, Люсенька.

Бехтерь при этих моих словах, естественно, дёрнулся, но она уже буксировала его в сторону троллейбусного кольца... Правильно он делает, что очки носит. А то разнобой получается: улыбка наглая, а глаза трусливые...

Тут я вспомнил про Гришу Прахова и обернулся. Перед Доской почёта было пусто. Уковывлял уже...

* * *

Весна, помню, стояла какая-то ненормально ранняя – середина апреля, а тепло, как в мае. До универсама я решил пройтись пешком, через сквер. Почки на ветках полопались, ясно белеет сквозь зелёный пух кирпичная заводская стена... А сейчас из-за поворота покажется моя скамейка. Краски на ней – уже, наверное, слоёв семь, а надпись всё читается: «НАТАША». Сразу видно: от души человек резал, крупно и глубоко. Это я – когда в армию уходил. Целую ночь мы с Наташкой на этой скамейке просидели... Там ещё дальше было «Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ», но теперь уже всё состругано. Это когда я из армии вернулся и узнал, что Наташка месяц назад замуж вышла...

Я миновал поворот и увидел, что на моей скамейке опустив голову сидит какая-то женщина, а рядом играет малыш в комбинезончике. Капюшон её плаща был откинут. Светлые волосы, капризные детские губы...

На скамейке сидела Наташка.

Не дожидаясь, пока она повернёт голову в мою сторону, я перескочил через чёрные нестриженные кусты и беглым шагом пересёк газон у неё за спиной.

Я вот почему так подробно об этом рассказываю: не задай я тогда стрекача – и не было бы всей этой истории. Завтра утром Валерка сплавил бы Григория на шестой пресс, а послезавтра я бы о новичке и думать забыл.

...Очутившись в другой аллее, долго не мог отдышаться. От злости. Чтобы Минька Бударин от кого-то убежал и через кусты прыгал!.. Разве что от милиции – и то по молодости лет... Это от меня всю жизнь бегали... Нет, ну в самом деле! Кто кого бояться должен? Можно подумать, это не она замуж вышла, можно подумать, это я жену из армии привёз!

Вот тут-то мне и попался под горячую руку Гриша Прахов. Задумчиво глядя себе под ноги, он брёл по соседней дорожке.

– Гриша!

Он оглянулся с испуганно-вежливой улыбкой.

– А ну-ка иди сюда!

Он узнал меня и, просияв, шагнул навстречу. Остановился. Беспомощно озираясь, потоптался на краешке асфальта.

– Иди-иди, не провалишься, – зловеще подбодрил я его.

Между нами был газон. Голый газон, покрытый влажным чёрно-ржавым пластом прошлогодней листвы.

– Ну! – уже раздражённо сказал я.

Гриша повернулся и торопливо заковылял к выходу из сквера.

– Ты куда?

Гриша остановился и неуверенно махнул рукой.

– Ты что, ненормальный? Перейди по газону!

Перебежал. Но чего ему это стоило! На лбу – испарина, дыхание – как у щенка, глаза косят то вправо, то влево.

– Ты чего?

– Так ведь запрещено же, – преступным шёпотом ответил мне Гриша Прахов.

Взял я его, родимого, за расколотую пуговицу, подтянул к себе и говорю:

– Ты что ж, сукин сын, бригаду позоришь! Денег нет прилично одеться? Это что на тебе за тряпьё такое!..

И равномерно его при этом встряхиваю – для убедительности. На слове «тряпьё» не рассчитал, встряхнул чуть сильнее, и половина пуговицы осталась у меня в пальцах. Теряя равновесие, Гриша взмахнул руками, пиджак с треском распахнулся, и я снова увидел чёрный больничный штамп.

– Как из мусорки вылез! – прошипел я.

Трясущимися пальцами Гриша пытался застегнуть пиджак на оставшуюся половину пуговицы.

– Приезжий, что ли?

– Приезжий...

– У тебя здесь родственники?

– У меня нет родственников...

– Подкидыш, что ли?

Гриша посмотрел на меня с опаской.

– Пожалуй... – осторожно согласился он.

И пока я пытался сообразить, что это он мне сейчас такое ответил, Гриша Прахов отважился задать вопрос сам:

– Минька, а ты... Тебя ведь Минькой зовут, да?.. Ты не мог бы мне объяснить: если кого-нибудь второй раз заметят, что он ночует на вокзале, – что ему тогда будет?

– А кто ночует на вокзале?

Гриша замялся.

– Это неважно. Ну, скажем... я.

– А почему ты ночуешь на вокзале? Почему не в общежитии?

– Н-ну... Так вышло...

– Как вышло? – заорал я. – Что значит – вышло? Ты приезжий! Тебе положено общежитие! Положено, понимаешь?

– Я понимаю... Но мне сказали...

– Кто сказал? А ну пойдём, покажешь, кто там тебе что сказал!

Ухватил я его за рукав и поволол. Ох, думаю, и выпишу я сейчас чертей этим конторским! За всё сразу!

– Тебя кто на работу принимал? Жирный такой, головёнка маленькая – этот? Ну, я с ним потолкую! А, ч-чёрт!

Я резко остановился, Гришу занесло, и мне пришлось его поддержать.

– Куда ж мы с тобой идём! – рывкнул я на него. – Сегодня

ж суббота!.. У, ш-шалопай! А ну давай точно: как вы там с ним говорили – с этим, из отдела кадров!..

– Он предупредил меня, что с общежитием трудно, – проговорил вконец запуганный Гриша. – И спросил, не могу ли я временно обойтись без общежития...

– Ну! А ты?

– Я сказал, что могу, – уныло признался Гриша Прахов.

Крысу ей, думаю, за пазуху, этой Наташке! Вылезла, дура, на прогулку! Ну вот что мне теперь делать с блаженненьким этим?..

– Ладно, – процедил я наконец. – Сегодня переночуешь у меня, а в понедельник будем кадровика за кадык брать...

По соседней аллее прошли толпой ребята со сталеплавильного. Поравнявшись с нами, засмеялись.

– Кого поймал, Минька?

– Минька, а повязка твоя где?

– Гуляйте-гуляйте, – сердито сказал я. – Погода хорошая...

Глава 3

На проспекте Metallургов нас чуть было не накрыл дождь, и нырнули мы с Гришей в кафе «Витязь».

Нормальная была забегаловка до Указа. А теперь перелицевали подвальчик – не узнать. С потолка на цепях свешиваются светильники какие-то средневековые из жести, а на торцовой стене богатырь на тонконогом, как журавль, коне рубится со Змеем Горынычем – аж розовое пламя из трёх пастей в косы заплетается.

Зелёного змия, значит, кончает...

Посадил я Гришу в уголке спиной к помещению, чтобы не смущать народ тесёмочным бантиком, а сам пошёл к стойке.

– Миньк! – шепнула мне щекастая белокудрая Тамара. – Кого это ты привёл?

– А это наш новый резчик, – небрежно сказал я. – Нравится?

– Ну и резчики у вас! – Тамара затрясла обесцвеченными кудрями. – Как бы он чего с собой не пронёс... У нас, знаешь, как сейчас за это гоняют!..

Она соорудила два коктейля, и я вернулся к столику.

– Это... алкоголь? – встревожась, спросил Гриша.

– Ага, – сердито сказал я. – Алкоголь. Чистейшей воды, неразбавленный.

И протянул ему хрупкий высокий стакан, наполненный

слоистой смесью. Гриша принял его с обречённым видом.

– Ого, да ты, я смотрю, тоже левша?

Гриша растерянно уставился на свою левую руку.

– Я нечаянно, – сообщил он и поспешно переложил стакан в правую.

Я удивился. А Гриша вынул из стакана соломинку, побледнел, старательно выдохнул и, зажмурясь, хватил коктейль залпом. Потом осторожно открыл глаза и с минуту сидел, прислушиваясь к ощущениям.

Всё это мне очень не понравилось.

– А ну-ка, давай честно, Гриша, – сказал я. – Пьёшь много?

– Спиртных напитков?

– Да, спиртных.

– Вот... в первый раз... – сказал он и зачем-то предъявил мне пустой стакан. – И на вокзале ещё... Только я тогда отказался...

Я решил, что он так шутит. А Гриша тем временем порозовел, оттаял и принялся с интересом озираться по сторонам: на людей, на Змея Горыныча, на цепные светильники эти...

– Правильно я сделал, что приехал сюда, – сообщил он вдруг. По лицу его бродила смутная блаженная улыбка. – И чего я боялся? – сказал он чуть погодя со смешком.

– Боялся? – не понял я. – Кого?

– Вас, – всё с той же странной улыбкой ответил Гриша.

Заподозрив неладное, я быстро заглянул под стол. Под столом ничего не было. Да и потом: какой же это надо быть сволочью, чтобы сидеть с кем-нибудь из своих и втихаря пить одному! Опять же – когда бы он успел-то? Пока я к стойке за коктейлем ходил?..

– Почему ты ведёшь меня к себе? – вырвалось вдруг у него.

– А тебе что, на вокзале понравилось?

Гриша опечалился и повесил голову. Видно было, что к своим чёрным блестящим волосам он после душа не прикасался.

– Нет, – сказал он. – На вокзале мне не понравилось...

Он вдруг принялся мотать головой и мотал ею довольно долго. Потом поднял на меня глаза, и я оторопел. Гриша Прахов плакал.

– Минька!.. – сказал он. – Я особо опасный преступник... Я чуть не пролил коктейль себе на брюки.

– Что?

– Особо опасный преступник... – повторил Гриша.

Я оглянулся. Нет, слава богу, никто вроде не услышал.

– Погоди-погоди... – У меня даже голос сел. – То есть как – особо опасный? Ты что же... сбежал откуда?

– Сбежал... – подтвердил Гриша, утираясь своим антисанитарным рукавом.

Я посмотрел на его пиджак, на тесёмочный бантик под горлом и вдруг понял, что Гриша не притворяется.

– А паспорт? Как же тебя на работу приняли без паспорта? Или он у тебя... поддельный?

– Паспорт у меня настоящий, – с болью в голосе сказал Гриша. – Только он не мой. Я его украл.

Нервы мои не выдержали, и, выхватив из коктейля соломинку, я залпом осушил свой стакан.

– А ну вставай! – приказал я. – Вставай, пошли отсюда!

И, испепеляемые взглядом Тамары, мы покинули помещение. Завёл я Гришу в какой-то двор, посадил на скамеечку.

– А теперь рассказывай, – говорю. – Всё рассказывай. Что ты там натворил?

Плакать Гриша перестал, но, видно, истерика в «Витязе» отняла у него последние силы. Он сидел передо мной на скамеечке, опустив плечи, и горестно поклёвывал своим орлиным носом.

– Закон нарушил... – вяло отозвался он.

– «Свистка не слушала, закон нарушила...» – процедил я. – Ну а какой именно закон?

– Закон? – бессмысленно повторил Гриша. – Закон...

– Да, закон!

– Это очень страшный закон... – сообщил Гриша.

– Как дам сейчас в торец! – еле сдерживаясь, пообещал я. – Мигом в себя придёшь!

Гриша поднял на меня медленно проясняющиеся глаза. Голову он держал нетвёрдо.

– Закон о нераспространении личности... – торжественно, даже с какой-то идиотской гордостью проговорил Гриша Прахов и снова уронил голову на грудь.

Некоторое время я моргал. Закон – понимаю. О нераспространении – понимаю. Личности – тоже вполне понятно. А вот всё вместе...

– Так ты что, в розыске, что ли?

Гриша вздрогнул и посмотрел на меня с ужасом.

– Н-не знаю... Наверное...

– И фотокарточки твои, наверно, в ментовке уже раздали?.. Ну, в милиции, в милиции!

Язык у Гриши заплетался, и следующую фразу он одолел лишь с третьего захода.

– При чём тут милиция? – спросил он.

– Ну если ты закон нарушил!

– Не нарушал я ваших законов! – в отчаянии сказал Гриша. – Свои – нарушал. Ваши – нет.

У меня чуть сердце не остановилось.

– Какие свои? Гриша!.. Да ты... откуда вообще?

– Из другого мира я, Минька, – признался наконец Гриша Прахов.

Я почувствовал, что ноги меня не держат, и присел рядом с ним на скамеечку. Вот только шпиона нам в бригаде и не хватало!.. Условник – есть, алкоголик – есть...

– Из-за рубежа? – как-то по-бабьи привизгнув, спросил я.

– Дальше...

Я потряс головой и всё равно ничего не понял.

– Как дальше?

– Дальше, чем из-за рубежа... – еле ворочая языком, объяснил Гриша Прахов. – С другой планеты, понимаешь?..

* * *

В калитку я его внёс на горбу, как мешок с картошкой.

Из-за сарайчика, грозно рявкнув, вылетел Мухтар. Узнал меня, псина, заюлил, хвостом забил. А потом вдруг попятился, вздыбил шерсть на загривке и завыл, да так, что у меня у самого волосы на затылке зашевелились.

Дёрнул я плечом – висит Гриша, признаков жизни не подаёт. Прислонил его к забору, давай трясти.

– Гриш, ты что, Гриш?..

Гриша слабо застонал и приоткрыл один глаз. Слава богу!..

– А ну пошёл отсюда! – закричал я на Мухтара. – Иди в будку! Дурак лохматый!..

В будку Мухтар не пошёл и с угрожающим ворчанием проводил нас до двери, заходя то справа, то слева и прилаживаясь цапнуть Гришу за скошенный каблук. У самого крыльца это ему почти удалось, но в последний момент Мухтар почему-то отпрыгнул и снова завыл.

Злой на себя и на Гришу, я втащил его в прихожую и закрыл дверь. В комнате осеклась швейная машинка.

– Минька, ты? – спросила мать. – А что это Мухтарка выл?

– Да кто ж его знает! – с досадой ответил я. – Тут, мать, видишь, какое дело... Не один я.

По дому словно сквозняк прошёл: хлопнула дверца шифоньера, что-то зашуршало, портьеру размело в стороны, и мать при параде – то есть в наспех накинутой шали – возникла в прихожей. На лице – радушие, в глазах – любопытство. Думала, я Ирину привёл – знакомиться.

– А-а... – приветливо завела она и замолчала.

Гриша сидел на табуретке, прислонённый к стеночке, и мученически улыбался, прикрыв глаза. И до того всё это глупо вышло, что я не выдержал и засмеялся.

– Вот, мать, нового квартиранта тебе нашёл...

– Ты кого в дом привёл? – опомнясь, закричала она. – Ты с кем связался?

– Да погоди ты, мать, – заторопился я. – Понимаешь, дня на два, не больше... Ну, переночевать парню негде!

– Как негде? – Маленькая, кругленькая, она куталась в шаль, как от холода, сверкая глазами то на меня, то на Гришу. – Санитарный день, что ли, в вырезвители? Да что ж это за напасть такая! То кутёнка подберёт хромого, то алкаша!..

– Ну-ну, мать, – примирительно сказал я. – Мухтара-то за что? Сама ведь ему лапу лечила, а теперь смотри, какой красавец кобель вымахал...

Но на Мухтара разговор перевести не удалось.

– Живёт впрохольсть, прибудных каких-то водит!.. А ну

забирай своего дружка, и чтобы ноги его в доме не было!

– Да куда ж я его поведу на ночь глядя?

– А куда хочешь! Под каким забором нашёл – под тем и положишь!

– Да с горя он, мать! – закричал я. – Ну, несчастье у человека, понимаешь? Жена из дому выгнала!

Что-то дрогнуло в лице матери.

– Прямо вот так и выгнала? – с подозрением спросила она.

– В чём был! – истово подтвердил я. – В чём квартиру ремонтировал – в том и выгнала!

– Так надо в суд подать, на раздел, – всё ещё недоверчиво сказала мать.

– И я ему то же самое говорю! А он, дурак, хочет, чтобы как мужчина – всё ей оставить.

– Вот мерзавка! – негромко, но с чувством сказала мать, приглядываясь к Грише. Выражение лица её постепенно менялось. – И что ж вам так с жёнами-то не везёт, а?.. И парень, видать, неплохой...

– В нашей бригаде работает, – вставил я. – В понедельник мы с Валеркой Чернопятовым попробуем ему общежитие выбить...

– Ох, дети-дети, куда вас дети?.. – вздохнула она и пошла в комнату, снимая на ходу с плеч непригодившуюся парадную шаль. – Ладно, постелю ему...

Ещё раз удивил меня Гриша Прахов. Под тряпьём у него оказалось чистое бельё, вроде даже импортное. Лохмотья его я сразу решил выбросить и поэтому обыскал. В кармане брюк обнаружился временный пропуск на завод и двадцать три копейки, а за прорвавшейся подкладкой пиджака – в целлофановом пакете – военный билет, свидетельство о рождении, аттестат и паспорт.

Документы я, конечно, проверил. Всё вроде на месте: серия, номер, фотография – Гришкина, не перепутаешь. И в военном билете – тоже, только Гриша там помоложе и по-полнее. Вот ведь чудик, а?

На всякий случай я заглянул и в аттестат, посмотрел, на какой он планете ума набирался. «Полный курс Нижне-Добринской средней школы...» Далекая, видать, планета...

Я снова завернул документы в целлофан и, кинув пакет на стол, сгрёб в охапку тряпьё на выброс.

Вот не было у бабы хлопот...

Глава 4

Во всяком случае, церемониться я с ним не собирался.

Из глубокой предутренней синевы за окном только-только начали ещё проступать чёрные ветки и зубчатый верх забора, а я уже вошёл в малую комнату и включил свет.

– Подъём! – скомандовал я в полный голос, и Гриша сел на койке. Рывком.

Секунду он сидел напряженный, с широко открытыми невидящими глазами, словно ждал чего-то страшного. Не дождавшись, расслабился и с лёгким стоном взялся за голову.

– Трещит? – не без злорадства спросил я.

С огромным удивлением Гриша оглядел комнату: вязаный половичок возле кровати, настенный матерчатый коврик с избушкой и оленями, две гераньки в горшочках на узком подоконнике.

Потом он заметил лежащий на столе рядом со стопкой мелочи целлофановый пакет и беспокойно завертел головой.

– Нет твоего тряпья, – сказал я. – Выкинул я его, понял? Наденешь вот это.

И бросил ему на колени свой старый коричневый костюм. Ну как – старый? Новый ещё костюм, хороший, просто не ношу я его.

Гриша отшатнулся и уставился на костюм, как на кобру.

Светало быстро, завтракали мы уже без электричества. Несмотря на мои понукания, Гриша ел, как цыплёнок, стеснялся, молчал.

– Опытом бы поделился, что ли... – буркнул я наконец. – Куда ты её потом дел?

– Кого? – испугался он.

– Я тебе сейчас дам «кого»! Бутылку вчера в «Витязь» пронёс?

– Нет, – быстро сказал он.

– Как это нет? Ты же лыка вчера не вязал, Гриша! До других планет доболтался!

– До других планет? – в ужасе переспросил он.

Гриша отложил вилку. На лбу его блестела испарина.

– Но ведь ты же сам заставил меня пить этот... коктейль... – жалобно проговорил он.

За дурака меня считает, не иначе.

– Гриша, – сказал я. – Коктейль был безалкогольный. В «Витязе» с самого Указа вообще ничего спиртного не подают.

Гриша обмяк.

– Но ты же сам тогда сказал: алкоголь...

– Ага... И поэтому ты окосел?

– Да!

«На шестой пресс! – подумал я. – И чем скорее, тем лучше! Сегодня же подойду к Валерке, пусть что хочет, то и делает, но чтобы Гриши этого в бригаде не было!..»

– Ладно, – бросил я. – Давай посуду вымоем и вперёд. Пора...

* * *

Переодевшись в рабочее, я вышел из бытовки и сразу был остановлен Люськой.

– Говорят, ты новичка у себя поселил? – спросила она.

– А кто говорит?

– Ну кто... Аркашка, конечно.

– Ты ему как-нибудь крюк на каску опусти – может, болтать поменьше будет, – посоветовал я и хотел идти, но Люська опять меня задержала.

– Неужели правда? Аркашка говорит: приютил, в своё одеяло...

– Ну, приютил! – раздражённо бросил я. – На груди пригрел! Тебе-то что?

– Ничего... – Она отстранилась и с интересом оглядела меня исподлобья. – Просто спросить хотела... Ты его из соски кормить будешь или как?

Вот язва, а? Язвой была – язвой осталась. С детства.

– Ну заberi – у себя поселишь.

– Дурак! – вспыхнув, сказала она. Повернулась и гордо

удалилась.

Интересно, под кого ты, Люсенька, клинья подбить решила: под меня или под Гришу? Если под меня, то предупреждаю заранее: бесполезно, я не Бехтерь, я тебя, лапушка, насквозь вижу. Тебе ведь нос чуток выпрямить – и лицо у тебя станет совершенно Наташкино. И словечки у тебя Наташкины то и дело проскакивают. И предательница ты, наверно, такая же... Вообще чертовщина с этими лицами. Взять хоть Ирину из универсама – мордашку ей слегка вытянуть, и опять получается Наташка. Как сговорились.

С такими вот интересными мыслями я подошёл к прессу. Только-только принял оборудование у третьей смены, как Сталевар зычно оповестил:

– Бугор на горизонте! Эх, а весёлый-то, весёлый!..

Я посмотрел. Действительно, на каменной физиономии приближавшегося к нам Валерки Чернопятова отгиснуто было что-то вроде удовлетворенности. Он коротко кивнул бригаде и, приподняв тяжёлый подбородок, остановился перед Гришей.

– Пошли, Григорий, – как бы с сожалением сказал он. – Переводят тебя от нас на шестой пресс.

Гриша беспомощно оглянулся на меня. Я отвернулся к прессу и, нахмуясь, принялся осматривать новые, недавно поставленные ножи. Потом не выдержал и, бросив ветошку, подошёл к нашим.

– В чём дело? – спросил я Валерку.

– Всё в порядке, – заверил он, не оборачиваясь. – На резку ещё одного новичка направляют. Его мы берём себе, а Гришу отдаём шестому прессу.

– И сменный мастер знает?

– А как же! – бодро отозвался он. – Всё согласовано.

– А со мной? – закипая помаленьку, проговорил я. – Со мной ты это согласовал?..

* * *

С Валеркой мы не разговаривали до конца апреля. И это ещё не всё...

Вечером я вспомнил наконец, что хорошо бы забежать в универмаг к Ирине – объяснить, почему исчез.

Забежал, объяснил...

Домой я вернулся с твёрдым намерением как можно быстрее обеспечить Гришу общежитием.

Никого не обнаружив в комнатах, я сунулся в кухню и увидел там такую картину: Гриша сидел в уголке на табуретке и неумело чистил картошку, внимательно, с почтением слушая сетования матери.

– Всё с неё началось, с Наташки, – жаловалась она. – Поломала, дурёха, жизнь и ему, и себе. А у Миньки-то характер – сам знаешь какой! В ступе пестом не утолчёшь! Из армии пришёл – грозился: мол, в две недели себе жену найду, получше Наташки... И вот до сих пор ищет...

Я вошёл в кухню и прервал эту интересную беседу.

– Ты картошку когда-нибудь чистил? – хмуро спросил я Гришу. – Кто так нож держит? Дай сюда...

Показав, как надо чистить картошку, я перенёс низенькую, ещё отцом сколоченную скамейку к печке, сел и, открыв дверцу, закурил.

– Ну и как там твоя Ирина? – осторожно спросила мать.

Печь исправно глотала табачный дым чёрной холодной пастью. Зверская тяга у агрегата. Дядя Коля, сосед наш, делал...

– Какая Ирина? – нехотя отозвался я. – Не знаю я никакой Ирины.

Мать покивала, скорбно поджав губы. Ничего другого она от меня и не ждала.

– В общем так, Гриша, – сказал я. – Насчёт общежития идём завтра... А что ты на меня так смотришь? Что случилось?

– Картошка кончилась, – виновато ответил Гриша.

– Всю почистил? – обрадовалась мать. – Вот спасибо, Гришенька. Не сочти за труд – сходи во двор, ведро вынеси...

Гриша с готовностью подхватил ведро с кожурой и побежал выполнять распоряжение.

– Знаешь, Минька... – помолчав, сказала мать. – Не надо вам завтра никуда идти. Подумала я, подумала... Возьму я Гришу квартирантом. Всё равно комната пустует.

Я уронил окурок, неудачно поднял его, обжёгся и, повер-

тев в пальцах, бросил в печку. Нет, такого поворота я не ожидал.

– Вежливый, уважительный... – задумчиво продолжала мать. Потом очнулась и посмотрела на меня строго. – Дать бы тебе по затылку, – сказала она, – чтобы голову матери не морочил! Какая его жена из дому выгнала? Он и не женат вовсе. Тоже вроде тебя.

Глава 5

Во дворе шевелили ветками бело-розовые яблони, а я сидел у окна и без удовольствия наблюдал, как Мухтар командует Гришей.

Хитрая псина с низким горловым клочкотанием вылезла из будки, и Гриша послушно остановился. Взрыкивая для остратки, Мухтар медленно обошёл вокруг замершего квартиранта и лишь после этого разрешил следовать дальше. Потом, как бы усомнясь в чём-то, снова скомандовал остановиться и придирчиво обследовал Гришины ноги, словно проверяя, по форме ли тот обут. Убедившись, что с обувью (галoши на босу ногу) всё в порядке, не спеша прошествовал к будке и улёгся на подстилку, высоко держа кудлатую голову и строго посматривая, как Гриша с величайшим почтением перегружает содержимое ведёрка в миску.

И такую вот комедию они ломали перед моим окном каждый день, причём ужасно были друг другом довольны. Так и подмывало выйти во двор, ангелочку Грише дать по шее, а наглецу Мухтару отвесить пинка, чтобы знал своё место в природе, псина.

Дождавшись возвращения Гриши, я зловеще спросил его: – А чему ты всё время радуешься?

Действительно, стоило Грише чуть отдохнуть, лицо его немедленно украшалось тихой счастливой улыбкой. Как сей-

час.

На секунду Гриша задумался, потом поднял на меня серьёзные глаза и произнёс негромко:

– Свободе.

– Какой свободе, Гриша? Ты же за калитку не выходишь!

– Выхожу, – быстро возразил он.

– Если мать за хлебом пойдёт, – сказал я. – Слушай, чего ты вообще хочешь?

Гриша растерялся.

– Вот... Мухтара покормил... – как всегда, невпопад ответил он.

– Молодец, – сказал я. – Мухтара покормил, картошку почистил, из окошка во двор поглядел... Устроил сам себе заключение строгого режима и говоришь о какой-то свободе!

– Я объясню, – сказал Гриша. – Можно?

– Валяй, – хмуро разрешил я.

Глаза б мои на него не глядели! Дома – Гриша, на работе – Гриша. И мать, главное, взяла в привычку чуть что в пример мне его ставить: и домосед он, и не грубит никогда, и что попросишь – всё сделает...

– Скажи, пожалуйста, – начал Гриша, – есть такое наказание, чтобы человека лишали возможности двигаться?

– Нет такого наказания, – сердито сказал я. – Это только в сумасшедших домах смирительные рубашки надевают. На буйных.

– Ну вот, – обрадовался Гриша. – Представь: человека по-

местили в камеру и надели на него такую рубашку. Год он лежал без движения, представляешь?

– Не представляю, – сказал я. – У него за год все мышцы отомрут.

– Ну пусть не год! Пусть меньше!.. А потом сняли с него рубашку. И вот он может пройти по камере, может встать, сесть, выглянуть в окно... Он свободен, понимаешь?

– В камере? – уточнил я.

– В камере! – подтвердил Гриша. – Ему достаточно этой свободы!..

И такие вот разговоры – каждый день.

Привязался однажды: можно ли найти человека, если известны паспортные данные? Я ответил: можно – через горсправку. А если не знаешь, в каком он городе живёт? Ну, тут уж я задумался. Не перебирать же, в самом деле, все города по очереди – так и жизни не хватит.

– А кого ты искать собрался, Гриша?

– Я?.. Никого... Я – так... из любопытства...

Да о чём говорить – одна та история с «Витязем» чего стоит!.. Рассказал Сталевару – тот вылупил на меня совиные свои глаза и радостно предположил: «Так они ж это... коктейли-то, видать, на сырой воде разводят... А Гриньке, стало быть, только кипяченую можно. Вот он и окосел...» Но шутки шутками, а Гриша-то ведь и впрямь трезвенником оказался! То есть вообще ни-ни. Ни капли...

Хотя была однажды ложная тревога. Я сидел в кухне на

своей скамеечке и курил в печку, а Гриша с матерью разговаривали в большой комнате. Что-то мне в их беседе показалось странным. Мать молчала, говорил один Гриша. Я вслушался.

– ...а жители той планеты, – печально излагал наш особо опасный квартирант, – понятия об этом не имели. Вообще считалось, что это варварская, зашедшая в тупик цивилизация...

И что самое удивительное – вязальные спицы в руках матери постукивали мерно, спокойно, словно речь шла о чём-то самом обыкновенном.

– ...он знал, что на этой планете ему не выжить, да он и не хотел... Собственно, это был даже не побег, а скорее форма самоубийства...

Я швырнул окурок в печку и направился в большую комнату. Гриша сидел напротив матери и сматывал шерсть в клубок. Глаза – ясные, голос – ровный.

– О чём это вы тут разговариваете?

– А это мне Гришенька фантазию рассказывает, – с добрым вздохом отвечала мать. – В книжке прочёл...

* * *

Вечером, дождавшись, когда Григорий ляжет спать, я снова подошёл к матери.

– Слушай, мать... Я, конечно, понимаю: квартирант у нас

хороший, лучше не бывает... Но скажи мне честно, мать: тебя в нём ничего не беспокоит?

Она отложила вязанье, сняла очки и долго молчала.

– Ну, странный он, конечно... – нехотя согласилась она. – Но ведь в детдоме рос – без матери, без отца...

– Детдом – ладно, – сказал я. – А вот насчёт других планет – это он как? Часто?

– Да пусть его... – мягко сказала она.

Глава 6

– А что это нашего квартиранта не видеть?

Швейная машинка ответила мне длинной яростной речью, мать же ограничилась тем, что оделила меня сердитым взглядом искоса.

– Не понял, – уже тревожась, сказал я. – Где Гриша?

За окнами было черным-черно. Часы на серванте показывали половину двенадцатого.

– Да не стучи ты, мать, своей машинкой! Он что, не приходил ещё?

– Почему... – сухо и не сразу ответила она. – Приходил. Потом снова ушёл. Да он уж третий вечер так...

– Третий вечер? – изумился я. – Гриша? Вот не знал...

– Откуда ж тебе знать? – вспылила она. – Ты сам-то в последнее время дома вечерами бываешь?

Я смущённо почесал в затылке и, прихватив сигареты, вышел из дому.

* * *

Наш переулок, опылённый светом жёлтеньких безмозглых лампочек на далеко разнесённых друг от друга столбах, был весь розово-бел от цветущих деревьев. Я постоял, прислушиваясь.

Минуты две было тихо. И вдруг где-то возле новостройки взвыли собаки. Лай начал приближаться, откочевал вправо, причём из него всё явственней проступали выкрики и топот бегущих ног.

– Что-то слышится родное... – озадаченно пробормотал я.

В частном секторе теперь было шумно, и ядро этого шума катилось напрямик ко мне. Первым из-за угла выскочил высокий широкоплечий парень и припустился наискосок к нашей калитке. Увидев огонёк моей сигареты, шарахнулся и принял оборонительную позу.

– А ну быстро в дом! – негромко скомандовал я. – Быстро в дом, я сказал. Без тебя разберёмся...

И растерянный Гриша Прахов молча скользнул мимо меня во двор. Навстречу ему, угрожающе клопоча горлом, двинулся спущенный на ночь с цепи Мухтар, но Гриша был настолько взволнован, что просто перешагнул через пса и заторопился по кирпичной дорожке к дому. Ошарашенный таким пренебрежением, Мухтар сел на хвост и, до отказа вывернув голову, уставился вслед. Я прикрыл калитку.

Тут из-за угла выскочили ещё двое. Точно так же метнулись на огонёк моей сигареты, а потом с ними произошло то же, что и с Гришей, – только узнали они меня быстрее и шарахнулись не так далеко.

– Да это же Минька! – растерянно сказал тот, что повыше. Зовут Славкой, фамилии не знаю, живёт в Нижнем поселке. А кто второй? Второму фонарь светил в спину, лица не

разглядишь. Выдал оскал – широкий, наглый, в тридцать два зуба... Бехтерь.

Со стороны котлована под собачий аккомпанемент подбежал третий. Задохнулся и перешёл на тяжёлую трусцу... А намного их Гриша обставил. Молодец, бегать умеет. Хотя с чего ему не уметь – ноги длинные, голова лёгкая...

– Что, чижики? – ласково спросил я, дождавшись, когда они соберутся вместе. – Детство вспомнили? В догонялки поиграть захотелось? А если мне сейчас тоже поиграть захочется?

Я сделал шаг, и они попятились. Бехтерь перестал улыбаться.

– Нет, Минька... – И я удивился, сколько в его скрипучем голосе было ненависти. – С тобой мы в догонялки играть не будем. А вот с квартирантом твоим ещё сыграем. Так ему и передай.

Я выслушал его и не спеша затянулся.

– Бехтерь, – прищурясь, сказал я. – А помнишь, ты лет пять назад этот переулочек спичкой мерил? Сколько у тебя тогда спичек вышло?

Вместо ответа Бехтерь издал какой-то змеиный шип.

– Так вот, Бехтерь, – продолжал я. – Если я тебя ещё раз поймаю в нашем районе – заставлю мерить по новой. Только уже не поперёк, а вдоль. Славка!

– Ну!

– Тебя это тоже касается. И дружку своему растолкуй. Я

его хоть и не знаю, но личность запомнил.

– А меня-то за что? – баском удивился тот, о ком шла речь.

– А не будешь на свету стоять, – закончил я, топча окурок.

Мать ждала меня в прихожей, приоткрыв дверь во двор.

– Что там, Минька? – спросила она.

– Всё в порядке, мать, – успокоил я. – Так... Нижнинские немножко не разобрались.

Успокоил и направился напрямиком в Гришину комнату. Гриша сидел на койке и расстёгивал рубашку, хотя умные люди обычно начинают с того, что разуваются... Увидев меня, он ужасно смутился и стал почему-то рубашку застёгивать.

– Ну расскажи, что ли, – попросил я, присаживаясь рядом с ним. – Что вы там с Бехтером не поделили?

Гриша вдруг занервничал, оцетинился.

– Я... отказываюсь отвечать! – заявил он высоким срывающимся голосом.

Это было так не похоже на нашего обычного Гришу, что физиономия моя невольно расплзлась в улыбке.

– Ну а что я у тебя такого спросил? Я спросил: что вы не поделили...

Гриша вскочил.

– Да что ж такое! – плачуще проговорил он. – Там всё выпытывали, теперь здесь...

Смотри-ка, вскакивать начал...

– Да кому ты на фиг нужен! – сказал я, удивлённо глядя на

него снизу вверх. – Всё равно узнаю завтра, за что гоняли...

Гриша помолчал, успокаиваясь.

– За Людмилу, – вымолвил он мрачно.

– За Людмилу? – ошарашенно переспросил я. – Ах, за Людмилу...

Я посмотрел на смущённого, рассерженного Гришу и засмеялся.

– А что хоть за Людмила? Я её знаю?

– Как же ты её можешь не знать! – с досадой ответил Гриша. – В одной смене работаем.

Я перестал смеяться.

– Постой-постой... Так это наша Люська? Крановщица?

Гриша молча кивнул.

* * *

– Мать! – крикнул я, втаскивая его за руку в большую комнату. – Посмотри на этого дурака, мать! Ты знаешь, с кем он связался? С Люськой Шлёповой из Нижнего поселка!

Мать выронила вишнёвый плюш, которым покрывала швейную машинку, и, всплеснув руками, села на стул.

– Да как же это тебя угораздило, Гришенька?

У Гриши было каменное лицо взятого в плен индейца.

– Он уже и с Бехтером познакомиться успел, – добавил я. – Устроили, понимаешь, клуб любителей бега по пересечённой местности!

Услышав про Бехтера, мать снова всплеснула руками.

– Побьют тебя, Гришенька, – проговорила она, с жалостью глядя на квартиранта.

* * *

Когда на следующий день перед сменой я рассказал обо всём ребятам, отреагировали они как-то странно. Валерка ослабился, Вася-штангист всохотнул басом. Старый Пётр сказал, поморгав:

– А в чём новость-то? Что Гринька с Люськой? Так я это неделю назад знал.

– Неделю? – не поверил я. – А кто разнюхал? Аркашка?

– Ну ты, Минька, силён! – восхитился Сталевар. – Глянь-ка туда.

Я обернулся. Возле правилки, там, где у нас располагается лестница, ведущая на кран, стояли и беседовали Гриша с Люськой. И то ли повернулись они так, то ли свет, сеющийся по цеху из полых стеклянных чердаков в полукруглой крыше, падал на них под каким-то таким особым углом, то ли я просто впервые видел их вместе... Похожи как брат с сестрой. Гриша, правда, черноволосый, а у Люськи – рыжая копна из-под косынки, вот и вся разница.

– Я тоже сначала думал – они родственники, – пробасил над ухом Вася-штангист.

А после смены я снова встретил Люську у проходной.

– Бехтеря ждёшь? – спросил я. – Или Гришу?

– А ты прямо как свёкор, – кротко заметила она. Глаза её были зелены и нахальны.

– Слушай, Люська! – сказал я. – Чего ты хочешь? Чтобы Бехтерь Гришку отметелил? А я – Бехтеря, да?

– Кто бы тебя отметелил... – вздохнула она.

– Ишь, губы раскатала! – огрызнулся я. – Метёлок не хватит!.. Слушай, на кой он тебе чёрт сдался, а? Для коллекции, что ли? Нет, я, конечно, понимаю: парень красивый, видный. Тихий опять же. Стихи, наверное, читает... с выражением.

Люська поглядела на меня изумлённо и вдруг расхохоталась, запрокинув голову.

– Стихи?.. Ой, не могу! Гриша – стихи!..

– Ну вот, закатилась! – с досадой сказал я. – Чего смешного-то?

– Да так... – всё ещё смеясь, ответила Люська. – Просто никто ещё мне ни разу не вкручивал, что он из-за меня с другой планеты сбежал...

Глава 7

– А как же твоя философия насчёт смирительной рубашки? Тебе ведь раньше камеры хватало...

Он улыбнулся.

– Не хватило, как видишь...

Мы подходили к заводу, и уже замаячил впереди стеклянный кубик проходной, когда навстречу нам шагнул Валька Бехтерь с фирменными очками в руке.

– Почему у тебя рожа целая? – испуганным шёпотом спросил он Гришу.

На меня он даже не смотрел.

– Два раза тебе повторять? – с угрозой осведомился я. – Кому было сказано, чтобы ты мне больше не попадался?

Похоже, Бехтерь не понял ни слова и среагировал только на голос.

– Минька! – в страхе проговорил он, тыча в Гришу очками. – Почему у него рожа целая?

– В чём дело, Бехтерь? – начиная злиться, процедил я.

– Минька, клянусь! – Бехтерь чуть не плача ударил себя очками в грудь. – Я же его вчера ночью встретил!.. Я же его вчера... Синяки же должны были остаться!

Но тут я так посмотрел на него, что Бехтерь попятился и пошёл, пошёл, то и дело оглядываясь и налетая на людей.

– Вот идиот! – сказал я. – И не пьяный вроде... Интересно,

что это у него за работа такая? Полчетвёртого уже, обед у всех давно кончился, а он гуляет...

Я повернулся к Грише и увидел, что смуглое лицо моего квартиранта бледно, а губы сложены в безнадежную грустную улыбку.

– Так, – сказал я. – С ним всё ясно. А с тобой что?

– Знаешь, Минька... – через силу выговорил он. – Я, пожалуй, от тебя съеду...

– Съедешь с квартиры? – изумился я. – А чего это ты вдруг?

– Нашли меня, Минька, – с тоской сказал Гриша Прахов. – Ты не волнуйся, тебя не тронут... не имеют права... В общем... прости, если что не так.

– Да он что, заразный, что ли? – взорвался я, имея в виду Бехтерея. – Сначала он бредил, теперь – ты!..

Сгоряча я сказал что-то очень похожее на правду.

– Людмила! – ахнул Гриша. – У неё же отгулы! Её же сегодня в цехе не будет!..

Он кинулся в сторону, противоположную проходной, и я еле успел поймать его за руку.

– Ты куда?

– К ней!

– Куда к ней? Хочешь, чтобы прогул тебе записали?

Скрутил я его, довёл до стеклянного строения и силой затолкал в вертушку проходной. Оказавшись на территории завода, Гриша перестал буяннить и притих.

– Да ведь она же к родственникам уехала! – вспомнил он вдруг. – Ну, тогда всё...

Опустил голову и молча побрёл к цеху. Ничего не понимаю. Только что был парень как парень – и вот на тебе! Того и гляди снова себя инопланетянином объявит!

И Сталеваара в тот день с нами не было. Собирался в область Сталеваара – к теще на блины, и заранее колдовал со сме-нами, переходя из одной в другую и набирая отгулы...

А Гриша продолжал меня удивлять. Мы и раньше знали, что парень он старательный, но в этот раз он самого себя перехлестнул. Уж до того отчаянно гонял листы, что даже рассердил Старого Петра.

– Ты что один корячишься? – заворчал на Гришу Старый Пётр. – Видишь же, какую плиту режем! Её вдвоём вести надо... Почему Васю не подождал? В последний раз, что ли, работаешь?..

Гриша растроганно поглядел на него и ничего не ответил. Передышки он себе в тот день не давал. Кончится пакет – хватает чайник и бежит на прокатный стан за газировкой. Если и случалось ему присесть на минутку – уставится и смотрит. На меня, на бригадира, на Старого Петра... Даже на пресс. И не шелохнётся, пока не окликнешь его. Только в одну сторону он не взглянул ни разу – вверх, где вместо Люськи ездила в кабине мостового крана толстая тётка с кислым сердитым лицом.

– Ты не заболел, Гриня? Может, тебя у мастера отпросить?

Иди домой, а утром врача вызовешь...

Гриша с признательностью глядел на Валерку и молча качал головой. Бехтерь, скотина!.. Чем же он его так достал, хотел бы я знать! «Почему у тебя рожа целая...» Угроза? В том-то и дело, что нет! Не угрожают с таким ошарашенным видом...

* * *

Стеклянные чердаки в полукруглой крыше засинели, потом стали чёрными. Смена кончилась.

Я даже не заметил, как и куда Гриша исчез. Когда выбрался из душевой, на шкафчике его уже висел замок. Поспрашивал ребят, и мне сказали, что Гриша оделся и ушёл. Я хотел было на него обидеться (раз Люськи нет – думал, вместе домой пойдём), как вдруг увидел, что из замочка торчит ключ. И что-то сразу мне стало не по себе. Вот в чём дело: Гриша ничего никогда не забывает – недаром мне мать все уши прожужжала об его аккуратности. И если он оставил ключ нарочно...

Я отомкнул шкафчик, открыл дверцу и в непонятной тревоге уставился на образцовое Гришино хозяйство. Роба, двойные брезентовые рукавицы, ботинки, полотенце, мыльница, мочалка в целлофановом пакете... Всё на месте, всему свой крючок, своя полочка... В уголке вчетверо сложенная влажная тряпка – уходя, Гриша тщательно протёр шкафчик

изнутри и снаружи.

Домой я возвращался почти бегом.

* * *

– Мать, Гриша пришёл? – крикнул я с порога, но увидел её лицо и осёкся. – Что случилось, мать?

– Ой, не знаю, Минька... – еле проговорила она, кутаясь в шаль, как в ознобе. – Что-то Мухтар весь вечер не по-хорошему воет...

Тут, точно в подтверждение её слов, пес завыл. Вой действительно был нехорош – такой же, каким Мухтар встретил Гришу три месяца назад.

Я сорвал с себя пиджак и, отшвырнув его, выбежал из дому.

– Осторожнее там, с Бехтерем! – умоляюще крикнула мне вслед мать, но я уже был на улице.

Обвёл меня Бехтерь, обвёл, как хотел! Испуганным прикинулся, голову заморочил, ерунды наплёл... Значит, не ерунда это была! Значит, что-то они с Гришей знали такое, чего я не знал! Ну, всё, Бехтерь! Если ты его хоть пальцем сегодня тронешь – уезжай из города, Бехтерь! Уезжай от греха подальше!..

На полпути к заводу вспомнил, что пропуск у меня остался в кармане пиджака. А, чёрт! Тогда придётся напрямик, через сквер... Вот будет номер, если дыру замуровали – со-

бирались ведь замуровать...

Шёл второй час ночи, и сквер был пуст. Вдалеке на моей скамейке с крупно вырезанным словом «НАТАША» кто-то спал. Гриша? Всё может быть. На вокзале он уже ночевал – теперь вот в сквере... «Съеду с квартиры...» Чем же я его обидел, а?.. Впрочем, это был не Гриша. На моей скамейке под ослепительным, растворяющим темноту фонарём спал дядя Коля – сосед, тот, что когда-то сложил нам печку.

Я свернул с аллеи на тропинку, ведущую к заводской стене, и остановился. Кажется, я успел вовремя – Гришу ещё ждали. За высоким кустом самочинно разросшейся смородины спиной ко мне стоял какой-то человек. Он явно следил за проломом. Караулишь, да? Ну, я тебе сейчас покараулю!

Но тут, услышав мои шаги, человек беспокойно шевельнулся, и я перестал понимать, что происходит. В кустах смородины, наблюдая за дырой в стене, стоял – кто бы вы думали? – Гриша Прахов.

– Ну и какого чёрта ты здесь делаешь? – подойдя, негромко спросил я.

Гриша Прахов оглянулся и посмотрел на меня с вежливым удивлением.

– Простите?..

Я обомлел. Серого, льющегося со стороны аллеи полусвета вполне хватало, чтобы высветить Гришино лицо и положить на него тени. Но передо мной стоял не Гриша. Этот человек не притворялся – он в самом деле видел меня впервые.

И одет он был по-другому: строгий серый костюм, белая рубашка, галстук...

– Извиняюсь... – ошарашенно пробормотал я. – Обознался.

Двинувшись к пролому, я краем глаза зацепил второго, одетого точно так же. Этот лепился у стены, чуть поодаль. Возле самой дыры я нарочно споткнулся, выиграв таким образом пару секунд, и успел разглядеть, что левый глаз у него заплыл, бровь чем-то заклеена, а губа распухла. И тем не менее ошибки быть не могло, у этого, второго, тоже было Гришино лицо, только сильно побитое.

Видно, я крепко был ошеломлён, потому что опомнился, лишь налетев на смутно белеющую в темноте грудку штaketника. Справа чернела громада строящегося пролёта, впереди пылили желтоватым светом окна и открытые ворота листопркатного.

В смятении я оглянулся на еле различимую в серой стене дыру. С кем я сейчас встретился? Что ещё за оборотни к нам заявились? Кто они? Что им здесь нужно в два часа ночи?

И тут в памяти всплыли недавние Гришины слова, да так ясно, будто он вдруг оказался рядом и снова их произнёс:

– Нашли меня, Минька...

Словно тоненький яркий лучик прорвался внезапно в мою бедную голову. Странная истерика в «Витязе», вечная Гришина боязнь лишний раз высунуть нос на улицу, осторожные расспросы о том, легко ли найти скрывающегося че-

ловека, – всё теперь стремительно вязалось одно к одному, превращаясь в пугающую правду.

Вот он кого боялся – не Бехтеря, что ему Бехтерь! Понятно... Всё понятно! Искали, нашли и приехали сводить какие-то старые счёты...

Но почему ж они так похожи-то?.. Родственники?.. А говорил, родственников у него нет... Или, может, национальность такая южная – все на одно лицо... Какая, к чёрту, национальность – Гришка-то ведь по паспорту русский!..

Паспорт! Меня аж пошатнуло, когда я о нём вспомнил. Настоящий, но краденый!.. Неужели всё-таки Гришка в чём-то замешан? Шалопай, ах, шалопай! Три месяца молчал, не мог подойти, объяснить по-человечески: так, мол, и так...

А что ж это я стою? Гриша-то ещё на территории, раз караулят его!

Эта мысль сорвала меня с места и толкнула к цеху.

* * *

Господи, как я обрадовался, когда увидел, что на первом прессе за «хвостового» работает Сталевар!

– На-ка, потрудишься, – сказал он, отдавая ключ размечающему. – Это опять ко мне...

Сталевар был сильно чем-то озабочен. Подойдя, вынул из клешнеобразной рукавицы крепкую корявую пятерню и протянул для рукопожатия, которое мы почему-то не разрывали

до самого конца нашего короткого разговора.

– С чего это Гриша уезжать надумал? – хмуро спросил Сталевар.

– Уезжать? Куда?

– Откуда ж я знаю? – с досадой сказал он. – Прибежал среди ночи, попрощался... Я так и понял, что уезжает.

И снова меня мороз продрал вдоль хребта, когда я услышал это «попрощался». Да кто же они такие? Чего им от него надо? Может, охрану к дыре вызвать с первой проходной?

– А когда он здесь был? Давно?

– Да только что. Минут пять, не больше.

– А куда пошёл? Не помнишь? Ну, хоть в какую сторону?

– Не заметил я, Минька, – виновато сказал Сталевар. – Но он где-то здесь, далеко от цеха он уйти не мог...

Рукопожатие наше разомкнулось, и я, ничего не объясняя, устремился мимо участка отгрузки к открытым воротам. Оказавшись снаружи, приостановился, давая глазам снова привыкнуть к темноте.

Где же он околачивался всё это время? Хотя понятно... Увидел возле первой проходной родные лица и вернулся. Побежал ко второй проходной – там то же самое. Сунулся туда, сюда, а выходы все перекрыты...

Додумать я не успел, потому что увидел Гришу. Это был точно он – я узнал со спины его куртку: чёрную, с жёлтым клином – вместе покупали, с первой его полочки... Опустив голову, Гриша брёл к дыре.

– Гриша! – что было силы заорал я, но сзади мощно ворчал и погромыхивал цех. Кроме того, Гриша был слишком далеко – жёлтый клин маячил уже возле смутно белеющей груды штакетника, а потом и вовсе пропал за чёрной коробкой недостроенного пролёта.

Я кинулся вдогонку, но тут же вынужден был перейти на быстрый шаг. Бегать ночью по территории завода да ещё вблизи строящегося цеха – в два часа обезножишь.

Ничего, ребята, ничего... Ещё не вечер... Кто вы такие, мы выясним потом. А Гришу я вам так просто не отдам, вы об этом и думать забудьте!..

Возле груды штакетника я задержался и вытянул из неё рейку. Ладно, если их всего двое. Только ведь там может быть и третий – в кустах, для страховки...

Я выбежал из-за недостроенного пролёта и увидел, что опоздал: Гриша Прахов на моих глазах нагнул голову и шагнул в пролом.

Глава 8

Они даже не прикоснулись к Грише Прахову – просто подошли с двух сторон, одинаково одетые, с одинаковыми лицами, и остановились, молча глядя на поникшего преступника...

Преступника?

Но ведь я же прекрасно видел, что эти двое не из ментовки! Два часа ночи, тёмный сквер, явная уголовщина!.. И потом эти их одинаковые физиономии!..

Двое повернулись и пошли к выходу из сквера, ступая уверенно, неторопливо. А Гриша Прахов, мой квартирант, резчик из моей бригады, плёлся между ними, жалко опустив плечи.

Серый полусвет фонарей лился им навстречу, и с каждым шагом эти трое делались всё более плоскими, словно вырезанными из бумаги.

И я понял вдруг, что вижу Гришку в последний раз, что его уводят навсегда...

Меня вышвырнуло из пролома как торпеду.

Они оглянулись.

– Минька, не надо! – услышал я испуганный Гришин вскрик, но было поздно.

Первым мне подвернулся тот, с заплывшим глазом, и я положил на него штакетину сверху – с оттягом, как кувалду.

Он почти уклонился, и всё же я его зацепил. Хорошо зацепил, крепко.

Второй мягко отпрыгнул и, чуть присев, выхватил что-то из-за спины левой рукой. У меня не было времени снова занести штакетину, и я просто отмахнулся ею. Повезло – достал. Выбитый ударом предмет, кувыркаясь, улетел в заросли.

Крутнулся на месте... Так и есть – третий! Чуюло мое сердце! Этого я женил рейкой точнёхонько в лоб.

И только когда раздался деревянный сухой звук удара, когда этот неизвестно откуда взявшийся третий попятился от меня мелкими нетвёрдыми шажками, дошло наконец, что это я Гришу рейкой женил. Чёрт бы драл их одинаковые физиономии!

Гриша допятился до конца лужайки, там его подсекли под коленки плотные подстриженные кусты, и он по-клоунски через них кувыркнулся – спиной вперёд, только подошвы мелькнули.

Противники мои вели себя тихо: один лежал, уткнув заплывший глаз в короткую чёрную траву, второй постанывал, свернувшись в вопросительный знак.

Надо было, не теряя ни секунды, хватать Гришу, взваливать его на горб и со всех ног бежать к дыре. А там – срочно поднимать шум! Кому-кому, а уж мне-то рассказывать не стоит, что за штуку выдёргивают из-за спины таким движением, – служил, знаю... Я отшвырнул штакетину, дёрнулся

было к кустам, за которые только что улетел Гриша Прахов, и вдруг в самом деле увидел третьего. Вернее, не то чтобы увидел... Просто вдалеке, возле аллеи, где света было побольше, мелькнуло что-то серое.

Пригибаясь, я метнулся в сторону, перескочил через ближайшие заросли и упал за чахлой ёлочкой, чуть не пробив себе рёбра чем-то твёрдым и угловатым. Вот дьявол! На что же это я упал?

Пока я, стараясь кряхтеть потише, извлекал из-под себя эту словно нарочно кем подложенную штуковину, серое пятно приблизилось. Всё правильно – это был третий.

Оборотень с лицом Гриши Прахова передвигался короткими бесшумными переходами шага в три-четыре. Загрёт на секунду, прислушается – и скользнёт дальше, веточкой не шелохнув. В левой руке у него (опять в левой!) было что-то вроде большого неуклюжего пистолета, и чувствовалось, что стрелять он в случае чего будет навскидку и без промаха.

Видно, он тоже заметил подозрительное мелькание теней на лужайке и теперь двигался напрямик ко мне. И хоть бы камушек какой рядом лежал! И рейку, дурак, бросил!.. Ну куда же мне с голыми руками против...

И тут я обнаружил, что держу за ствол в точности такую же штуковину, как у него. Секунды две в голове моей шла какая-то болезненная пробуксовка, прежде чем я понял, откуда она взялась. Я же сам только что вытащил это из-под собственных рёбер. Ну точно! Тёмный предмет, что, кувыр-

каясь, улетел в заросли после моей отмашки дрыном!..

А этот уже стоял посреди лужайки – серый, неподвижный, с выеденным тенью лицом. Чёрные кусты напротив ёлочки распадались широкой прогалиной, и я ясно видел, как он поднял оружие и тщательно прицелился в одного из лежащих. Конечно, ничего хорошего от этой братии я не ждал, и всё же меня прошиб холодный пот, когда я увидел, что он собирается сделать.

Всё произошло беззвучно и страшно. Выстрела не было. Эта штука в его руке даже щелчка не издала. А человека не стало. Просто не стало, и всё. И только трава на том месте, где он лежал, залоснилась вдруг в сером полусвете фонарей от немыслимой стерильной чистоты.

Точно так же, спокойно и деловито, оборотень навёл оружие на второго... Ну пусть не щелчок, но хоть бы шорох какой раздался! Ни звука. Был человек – и нет его.

Убийца подрегулировал что-то в своей дьявольской машинке и, прицелившись в мою штaketину, уничтожил и её тоже. На всякий случай.

Я уже боялся дышать. Вот, значит, что стало бы со мной, промахнись я рейкой по второму!.. Долго бы искали потом Миньку Бударина...

Пальцы моей левой руки сами собой, без команды, сомкнулись на рукоятке, и от кисти к локтю пробежали электрические мурашки. Перед глазами у меня вместо прицела оказался стеклянный экранчик не больше спичечного ко-

робка. В нём я увидел слегка увеличенные чёрные кусты и тонко прочерченную светящуюся окружность.

Кто они такие, откуда взялись, почему у них такое оружие – я об этом и думать забыл! Одного мне хотелось – чтобы этот серый скрылся, и как можно скорее. Но он, похоже, не собирался скрываться – неподвижная фигура по-прежнему маячила посреди лужайки.

Оборотень пялился на плотные подстриженные кусты, за которыми лежал обездвиженный мною Гриша Прахов. Если этот гад сделает к нему хоть один шаг... Сделал. Ну, не обижайся...

Спусковая клавиша плавно ушла в рукоятку...

Никому, даже Бехтеру, не пожелал бы я попасть тогда в мою шкуру. Я ведь с той самой ночи стал тишины бояться. Мать до сих пор удивляется: что это я – телевизор включаю, а сам его не смотрю? А меня просто в полной тишине жуть берёт...

Так вот, тишина тогда была полной. Где-то далеко-далеко ворчал еле слышно листопрокатный да шевелились сверху чёрные кроны. Вот он, разрыв между кустами, вот она, выбитая в траве светлая тропинка, а на ней – никого... Как будто не стоял там секунду назад страшный серый человек с лицом Гриши Прахова.

Мне послышалось, что возле стены отчётливо хрустнул под чьей-то ногой осколок стекла. А в следующий миг землю рядом со мной словно подмело – сдуло бесшумно мелкие

камушки, хвоя на низко опущенной ветке блеснула как вымытая...

В себя я пришёл за травянистым бугорком метрах в пятнадцати от того места. Аллея теперь проходила рядом. Краем глаза я видел изнанку моей скамейки и бетонную урну. И только было я подумал, что хотя бы со стороны аллеи прикрыт надёжно, как урна эта – исчезла. А за ней исчезла и скамейка. Словно кто-то быстро и деловито убрал все заслоняющие меня предметы.

Дальше убирать было нечего – дальше был я. Меня подбросило... А вот что случилось потом – не помню. Наверное, я отбежал. Или отполз. Или откатился. Словом, что-то я такое сделал...

Дальше идут мелкие обрезки. Ума не приложу, за каким чёртом меня понесло через аллею, а главное – как это я ухитрился перебежать её, не попав под выстрел.

Но они, гады, эту ночку тоже запомнят надолго. Какой там, к дьяволу, Гриша Прахов! Им теперь было не до Гриши. Беготня и бесшумная пальба перекинулись на противоположную сторону сквера – ту, что примыкает к шоссе.

Вот не думал, что пригодится мне когда-нибудь моя армейская выучка! Похоже, я стянул на себя всех Гришиных родственников, дежуривших возле завода. Ещё раза три слышал невидимый выстрел пыль с травы перед самым моим лицом. Я вскакивал, отбегал, падал, отползал, целился... В голове сидела одна-единственная мысль: «Лишь бы этот ду-

рак не очухался раньше времени... Лишь бы он не полез меня выручать...»

А потом вдруг суматоха кончилась, и стало ясно, что дела мои плохи. Даже залечь было негде. Я сидел на корточках за жидким кустиком, а из чёрных провалов ночного сквера на меня напозала оглушительная леденящая тишина. А за спиной ограда, железные копыя выше моего роста – не перелезешь. Короче говоря, зажали Миньку Бударина.

Кричать? Звать на помощь? Кого? Три часа ночи, пустая улица, никто не услышит. А услышит – так не успеет. А успеет – так не поможет...

И тут откуда-то издали, со стороны старого щербкарьера, поплыл низкий рокочущий звук. Сначала он был еле слышен, потом окреп, приблизился, распался на отдельные голоса... Это возвращались заводские КраЗы!

Я видел, как шевельнулись кусты, как мелькнула за ними и пропала серая сторбленная спина, но стрелять вдогонку не стал. Это уже ничего не меняло. Город вспомнил наконец про Миньку Бударина и шёл теперь к нему на выручку.

Рычание моторов надвигалось – уверенное, торжествующее. Из него вдруг прорвался хриплый петушиный крик сигнала – видно, шофёр пугнул сунувшуюся под колеса собачонку...

Я ждал, что заросли вскипят разом и ещё с десятков Гришиных родственников кинутся, пригибаясь, врассыпную от ограды. Но нигде даже веточка не дрогнула, лишь одна-един-

ственная серая спина мелькнула по-крысиному на аллее, наискосок пересекая световой коридор. Где же остальные-то? Неужели я их всех...

Показались КраЗы. Они шли колонной – пять длинных угловатых громад, и всё дрожало, когда они проходили один за другим. Метров за двадцать от меня водитель первой машины включил фары, и на тёмные закоулки старого сквера рухнул обвал света...

Конечно, они меня не заметили. Спорить готов, что никто из них даже голову в мою сторону не повернул, но кому какое дело? Главное, что незнакомые парни, сами о том не зная, успели вовремя. И попробуй кто пискнуть, что за баранкой КраЗа сидел тогда хоть один плохой человек!..

– Спасибо, ребята... – бормотал я, выбираясь на аллею. – Спасибо...

Выбрался – и остолбенел. Я и не думал, что их будет так много – чистых островков, лежащих вразброс на асфальте. То ли я палил, то ли по мне палили – ничего не помню... Но не всё же это промахи! Я смотрел на испятнанную смертельной стерильной чистотой аллею и чувствовал себя убийцей. Оставалось одно – добрести до цеха, положить оружие на металлический стол, сказать: «Вызывайте милицию, мужики. Этой вот самой штукой я только что уложил в сквере человек десять. Только вы учтите – Гриша здесь ни при чём, он пальцем никого не тронул...»

Кто-то приближался ко мне по асфальтовой дорожке, а

у меня даже не было сил поднять руку. И слава богу, что не было, потому что навстречу мне, держась за ушибленную голову, брёл очнувшийся Гриша Прахов.

– Стой! – вырвалось вдруг у меня. Между нами лежало чистое пятно, асфальт без пылинки, и Гриша неминуемо бы наступил на него, сделай он ещё один шаг.

– Обойди... – хрипло приказал я. Нельзя было ходить по этим пятнам. Всё равно что на могилу на чью-то наступить.

Мы стояли друг против друга на том же самом месте, где встретились три месяца назад.

– Я так и знал, что ты вяжешься, – услышал я его больной, надломленный голос. – Я же предупреждал... тебя бы не тронули... Зачем ты, Минька?..

Я смотрел в его замутнённые болью глаза и понимал уже, что если и положу оружие на стол, то слова мои будут другими. «Делайте со мной что хотите, – скажу я, – но только иначе никак не получалось. Не мог я им отдать этого человека, понимаете?..»

Я шагнул к Грише, хотел сказать, мол, не тушуйся, главное – отбились, живы оба, как вдруг что-то остановило меня. Остановило, а потом толкнуло в грудь, заставив снова отступить на шаг.

– Гриша... – выдохнул я, всматриваясь в знакомое и в то же время такое чужое теперь лицо. – Кто ты, Гриша?!

Глава 9

Я проснулся от ужаса. Мне приснилось, что на моей скамейке с крупно вырезанным словом «НАТАША», на скамейке, которая вот-вот должна исчезнуть, – спит дядя Коля.

Я рывком сел на койке и сбросил ноги на пол. Лоб мокрый, сердце колотится, перед глазами – пятнистый асфальт и пустота на том месте, где раньше стояла скамейка.

– Всю ночь не спала!.. – грянул где-то неподалеку голос тёти Шуры.

В окно лезло солнечное ясное утро. Я сунул руку под подушку, и пальцы наткнулись на прохладную шершавую ручку.

– Совсем из смысла выжил! – в сильном гневе продолжала соседка. – Ночь дома не ночевать – это что ж такое делается!..

Ничего не приснилось. Дядя Коля не пришёл ночевать. Он вообще никогда больше не придёт. Он спал вчера на этой скамейке... и исчез вместе с ней.

Я сидел оцепенев. А тётя Шура всё говорила и говорила, и некуда было деться от её казнящего голоса. Я старался не слушать, я готов был засунуть голову под подушку... если бы там не лежала эта проклятая штуковина!..

– Перед соседями бы хоть постыдился!..

Стоп! С кем она говорит?

Меня сорвало с койки, и я очутился у окна. Соседский двор из него просматривался плохо – мешали сарайчик и яблони. Мне удалось увидеть лишь закрывающуюся дверь и на секунду – обширную, в жёлтеньких цветочках спину уходящей в дом тёти Шуры.

С кем она сейчас говорила?

Я кинулся в прихожую, отомкнул дверь и, ослабев, остановился на крыльце. Посреди соседского двора стоял, насупясь, сухонький сердитый старичок. Маленький, как школьник.

Я сошёл с крыльца и двинулся босиком через двор к заборчику.

– Дядя Коля... – сипло позвал я. – Дядя Коля...

Он услышал меня не сразу.

– Да ты подойди, дядя Коля... Дело есть...

Он оглянулся на дверь, за которой недавно скрылась супруга, и, поколебавшись, подошёл.

– Чего это она с утра расшумелась?

Дядя Коля хотел ответить и вдруг задумался. Как же мне сразу в голову не пришло: он ведь мог вчера десять раз проснуться и уйти из сквера до начала пальбы! Дядя Коля, дядя Коля...

Что ж ты со мной, старичок, делаешь!..

– Силу им девать некуда, вот что, – обиженно проговорил он.

Я глядел на него и не мог наглядеться. Живой. Ах ты, чёрт

тебя возьми! Живой...

– Кому? Ты о ком, дядя Коля?

Дядя Коля неодобрительно качал головой.

– Ну шутники у нас, Минька, – вымолвил он мрачно. –

Ну шутники...

– Да что случилось-то?

– А вот послушай, – сказал дядя Коля. – Получил я вчера пенсию, так? Домой я всегда, ты знаешь, через сквер иду...

Ну и присел на лавочке... отдохнуть. Просыпаюсь...

Тут сухие плечики дяди Коли полезли вверх, а кожа на лбу собралась в такую гармошку, что лба почти не стало.

– Просыпаюсь на скамейке... Урна рядом стоит...

– На скамейке? – отрывисто переспросил я. – Как на скамейке? Где на скамейке? В сквере?

– В каком в сквере? – внезапно осерчав, крикнул дядя Коля. – В щебкарьере! Просыпаюсь на скамейке, а скамейка стоит в щебкарьере! И урна рядом!..

– Да ты что, шутишь, что ли? – задохнувшись, сказал я. – Какой щебкарьер? До щебкарьера девять километров!

– Это ты кому – шутишь? – вскипел дядя Коля. – Это ты мне – шутишь? Я двадцать лет экскаваторщиком проработал, а ты мне – про щебкарьер? Ты под стол пешком ходил...

Он оборвал фразу, постоял немного с открытым ртом, потом медленно его прикрыл.

– Ну ладно, во мне веса нет, – в недоумении заговорил он. – Но ведь они же меня, получается, на скамейке нес-

ли! На руках несли, Минька! Если бы на грузовике – я бы проснулся...

– Дядя Коля, – сказал я. – А ты ничего не путаешь?

Дядя Коля меня не слышал.

– Урну-то они зачем пёрли? – расстроено спросил он. – Тоже ведь дай бог сколько весит – бетонная...

Тут на пороге показалась тётя Шура и зычным, хотя и подобревшим голосом позвала дядю Колю в дом – завтракать.

Я оттолкнулся от заборчика и на подгибающихся ногах побрёл к себе.

Добравшись до своей комнаты, снова достал оружие из-под подушки.

Машинка напоминала дорогую детскую игрушку. Очень лёгкая – видно, пластмассовая. И цвет какой-то несерьёзный – ярко-оранжевый, как жилет дорожника. Из толстого круглого ствола выпячивалось что-то вроде линзы.

Но ведь я же своими глазами видел, как исчезла скамейка! Щёбкарьер... При чём здесь щёбкарьер?..

Я ухватил рукоять поплотнее, и от кисти к локтю пробежали вчерашние электрические мурашки. Так, а это что за рычажок? Я осторожно потянул его на себя, и изображение на стеклянном экранчике приблизилось. Понятно...

Гришу пора будить, вот что! Хватит ему спать. Отоспался...

Посреди стола белела записка.

«Ешьте, завтрак на плите, – прочёл я. – Заставь Гришу

сходить к врачу, а на Бехтерю в суд...»

Дочитать не успел – показалось, что в дверях кто-то стоит.

Я обернулся.

В дверях стоял Гриша Прахов.

* * *

Никогда раньше он не позволял себе выйти из своей комнаты, не смахнув перед этим последней пылинки с отутюженных брюк. Теперь он был в трусах, в майке и босиком. Да ещё марлевая повязка на лбу – вот и весь наряд.

Я выпустил записку из рук и шагнул к Грише.

– Эти... – хрипло сказал я. – В кого я вчера стрелял...

Что с ними?

Гриша смотрел непонимающе. У меня перехватило горло. Перед глазами снова блеснули чистые пролысины на пыльном асфальте.

– Ну что молчишь? Живы они?

– Живы, – сказал Гриша. – Ты отправил их на корабль. В камеру коллектора. Понимаешь, есть такое устройство...

Дальше я уже не слушал. Проходя мимо койки, уронил оружие на подушку и остановился перед окном. Почувствовал удушье и открыл форточку.

– Дурак ты, Гриша... – обессиленно проговорил я и не узнал собственного голоса. Был он какой-то старческий, дребезжащий. К восьмидесяти годам у меня такой голос будет. –

Что ж ты вчера-то, а?.. Я же думал – я их всех поубивал...

Глава 10

Расположились в кухне. За окном качалась зелёная ветка яблони и время от времени, как бы приводя меня в чувство, легонько постукивала в стекло.

А передо мной на табуретке сидел и ждал ответа... Я отмахнулся от лезущего в глаза сигаретного дыма. Чёрт знает что такое! Сидит на табуретке парень из моей бригады, Гришка Прахов – вон с Бехтером у него нелады из-за Люськи...

– Интересно девки пляшут, – процедил я, – по четыре штуки в ряд... Значит, ты – преступник, я – вроде как твой сообщник, а они? Они сами – кто? Ангелы? Ну нет, Гриша, брось! Ангелы по ночам засады не устраивают. Да ещё и на чужой территории...

– Они не нарушали законов, – негромко возразил он.

– Чьих?

– Своих.

– А наших?

Гриша запнулся. А я вспомнил, как эти двое вели его вчера сквозь ночной сквер. Шли – будто по своей земле ступали...

– Во всяком случае, – добавил он ещё тише, – они сделали всё, чтобы вас не беспокоить...

Я хотел затынуться, но затыгиваться было уже нечем – от

окурка один огонёк остался. Я швырнул его в печь и захлопнул дверцу.

– Слушай, а что это вы все такие одинаковые?

Лицо у Гриши стало тревожным и растерянным.

– Странно... – сказал он. – В самом деле одинаковые...

Раньше мне так не казалось...

Ветка за стеклом забилась и зацарапалась сильнее прежнего. Всё время чудилось, что кто-то там за нами подглядывает.

– Слушай, – сказал я. – Ну ты можешь по-людски объяснить, как ты его нарушал вообще? Закон этот ваш, насчёт личности... Ну, я не знаю, там... по газонам ходил, вёл себя не так?...

– Просто вёл себя... – безразлично отозвался он.

Я шумно выдохнул сквозь зубы.

– С тобой свихнёшься... Как это – вёл себя? Все себя ведут!

– Не все, – тихонько поправил он, и словно знобящий сквознячок прошёл по кухне после этих его слов. Я снова сидел, укрываясь за жидким кустиком, а из чёрных провалов ночного сквера на меня напознала оглушительная смертельная тишина... И они из-за этого достают человека на другой планете? Вёл себя... Интересное дело – вёл себя...

– Погоди-ка, – сказал я. – А здесь ты его тоже нарушал?

Честное слово, я не думал, что он так испугается.

– Но у вас же нет такого закона... – еле шевеля побелев-

шими губами, проговорил Гриша. – Или... есть?

– Это тебе потом прокурор растолкует, – уклончиво пообещал я.

Гриша опустил голову.

– Да, – сказал он. – Нарушал. И здесь тоже.

– Ну, например?

– Например? – Гриша подумал. – Да много примеров, Минька...

– Ну а всё-таки?

– Ну, Бехтерь, бригада... – как-то неуверенно начал перечислять он. – Да и ты сам тоже... Ты ведь не хотел, чтобы я...

– Бехтерь? – с надеждой переспросил я. – А ну-ка давай про Бехтеря!

– Н-ну... – Гриша неопределённо подвигал плечом. – У них же... с Люсей... были уже сложившиеся отношения... А я появился и...

– Отбил, что ли?

– В общем-то, да... – с неохотой согласился он и тут же добавил: – Но это лишь для данного случая.

Так... Я пощупал виски. Разговор только начинался, а мозги у меня уже тихонько гудели от перегрева.

– Погоди-ка... А я? Я его тоже, что ли, нарушаю?

Гриша удивлённо вскинул голову.

– Да постоянно! – вырвалось у него.

– Так... – ошеломлённо сказал я. – Понятно... И много тебе припаяли?

Гриша не понял.

– Ну приговор, приговор тебе какой был?

– Ах, вон ты о чём, – сказал он. – Ты про наказание? Но, Минька... собственно, видишь ли... за это вообще не наказывают.

– Что? – заорал я.

– По здешним понятиям, разумеется, – торопливо пояснил он.

Сигарета не вынималась. Пришлось разорвать пачку.

– Бесполезно, Минька! – с отчаянием проговорил Гриша. – Ты пытаешься вогнать всё в привычные рамки – бесполезно! Пойми: это отстоявшееся до предельной ясности общество... («Вот я и говорю – ангелы», – пробормотал я, прикуривая.) Тебя сбивает слово «преступник»? Но точнее я перевести не могу. В вашем языке...

Тут надломленный голос Гриши Прахова уплыл куда-то, стал еле слышен. «Простите?..» – произнёс, оборачиваясь, вчерашний ангел. С вежливым удивлением. По-русски.

В три судорожных взмаха я погасил спичку и уставился на Гришу Прахова.

– Гриша!.. А язык? Язык вы наш откуда знаете? А документы? Где ты взял паспорт? Как ты сюда попал вообще? Кораблём?

– Что ты! – сказал Гриша. – Я бежал через... Ну, это, видишь ли, такое устройство... Два сообщающихся помещения, понимаешь?

– Ну!

– Вот... Причём одно из них находится на той планете, а другое – здесь, у вас... Понимаешь?

Я тупо молчал.

– Как бы тебе объяснить... – беспомощно проговорил Гриша. – Ну вотходишь ты, допустим, в то помещение, которое там... Закрываешь за собой люк. Нажимаешь клавишу. Снова открываешь люк и выходишь, но уже не там, а здесь... Понял теперь?

Я встал. Вернее – мы оба встали. Потом Гриша попятился и опрокинул табуретку.

– Где? – хрипло спросил я.

– Кто?

– Где это твоё устройство?

– Уничтожено, – поспешно сказал Гриша. – Полгода назад.

– А другие?

– Других не было, Минька...

Я тяжело опустился на скамеечку. Гриша поднял с пола табурет, но сесть так и не решился.

– Я знаю, о чём ты думаешь, Минька, – устремив на меня тёмные, словно провалившиеся глаза, умоляюще заговорил он. – Ты думаешь, что это с военными целями... Но они не воюют. Они давно уже не воюют...

Я не слушал. Я сидел оглушённый и так и видел эти бог знает подо что замаскированные устройства, готовые в лю-

бой момент выбросить на нас людей и технику... Что он там бормочет? Не воют?... Да, конечно. Особенно вчера, в сквере...

– А точно уничтожено?

– Точно.

– И кто ж это его?

– Я, – сказал Гриша и умолк, как бы сам удивляясь своему ответу. Потом вздохнул и сел. Стало слышно, как во дворе Мухтар погромыхивает цепью и миской.

– Взорвал, что ли? – недоверчиво переспросил я.

– Нет, – сказал Гриша. – Там был предусмотрен такой... механизм ликвидации. Я привёл его в действие, сам отошёл на безопасное расстояние, ну и...

– Это уже здесь, у нас?

– Ну да...

– А говоришь, не взорвал...

– Нет, – сказал Гриша. – Это не взрыв. Просто вспышка. Неяркая вспышка, и всё...

– Отчаянный какой... – сказал я, буравя его глазами. – А ну-ка дай сюда паспорт!

Гриша несколько раз промахнулся щепотью мимо нагрудного кармана и извлёк наконец красную книжицу. Я раскрыл её на той страничке, где фотография. Гришкино лицо. Никакой разницы. Разве что чуть моложе...

– Чьи документы?

– Это одного из наблюдателей, – как бы извиняясь, про-

говорил Гриша. – Ну, из тех, что работали здесь, у вас...

Так... Час от часу не легче.

– Но они уже все отозваны, – поспешил добавить он.

«Ну спасибо тебе, мать, – устало подумал я. – Пустила квартиранта...»

– А почему отозваны?

– Из этических соображений, – сказал Гриша.

– Чего-о?

– Из этических соображений, – повторил он. – Было решено, что тайное изучение неэтично. И наблюдателей отозвали.

Я ошалело посмотрел на Гришу, потом на фотографию.

– А устройство? На память оставили?

– В-возможно... – неуверенно отозвался он, и что-то взяло меня сомнение: а не прикидывается ли дурачком наш Гришенька?

– А язык? Ах да, раз наблюдатели...

Тут я осёкся и в который раз уставился на Гришу Прахова.

– Так тебя что? Тоже в наблюдатели готовили?

От неожиданности он чуть было не рассмеялся.

– Что ты! – сказал он. – Меня бы к ним и близко не подпустили.

– А к машине этой, значит, подпустили? – прищурясь, спросил я. – К устройству, а? Или скажешь, что там охраны не было?

– А там её и не бывает, – с недоумением ответил Гриша.

Во дворе, отфутболенная мощным ударом лапы, загремела и задрезжала по кирпичной дорожке пустая миска. Мухтар требовал жрать.

– Гриша, – проговорил я, не разжимая зубов. – Я тебя сейчас ушибу, Гриша! Как – не бывает? Как это – не бывает? Значит, сигнализация была! Что-нибудь да было?

– Было, – сказал Гриша. – Знак.

– Какой знак?

– Н-ну... – Гриша в затруднении пошевелил пальцами. – С чем бы это сравнить?.. А! Ну вот вешают же у вас на дверях таблички «Посторонним вход...»

Я схватил разорванную сигаретную пачку, но она оказалась пустой. Хотел скомкать – и даже не смог сжать как следует кулак.

– И ты думаешь, тебе поверят?

Гриша поднял на меня встревоженные глаза.

– А кто ещё должен верить? – робко спросил он.

Глава 11

Рядом с дверью нужного нам кабинета стояли шеренгой четыре стула. На крайнем, поближе к двери, сидел этакий жировичок в мятом костюме. Наше появление его насторожило.

– А товарищ майор ещё не пришёл, – с опаской глядя на нас, предупредил он.

– Ничего, подождём, – проворчал я, присаживаясь рядом. Гриша подумал и тоже присел.

Уяснив, что перед ним всего-навсего посетители, жировичок успокоился.

– Будете за мной, – с достоинством сообщил он.

Некоторое время сидели молча.

– Как она хоть называется, твоя планета? – негромко спросил я Гришу.

Гриша сказал. Я попробовал повторить – не получилось.

– Понятно... А где находится?

– Не знаю...

– То есть как? Не знаешь, где твоя планета?

– Я ведь не астроном, – с тоской пояснил Гриша. – И потом это в самом деле очень далеко...

Я вспомнил, что где-то в кладовке у меня должен лежать старый учебник астрономии за десятый класс. Карты звёздного неба и всё такое... Хотя что с него толку, с учебника!

Гриша-то ведь по своим картам учился, в наших он просто не разберётся. Да я и сам теперь в них не разберусь.

– А вы, простите, по какому делу? – поинтересовался жириковичок.

– По важному, – отрезал я.

– Понимаю... – Он многозначительно наклонил голову. Потом сложил губы хоботком и принялся озабоченно осматривать ребро своей правой ладони.

У него было круглое бабье лицо, острые, глубоко упрятанные глазки и седоватая гривка.

Я снова повернулся к Грише.

– Слушай сюда... – до предела понизив голос, приказал я. – Значит, так... Ты наших законов не знал...

– Да я их и сейчас не очень... – шёпотом признался он.

– Вот и хорошо. Главное: ты не знал, что у нас нельзя жить с чужим паспортом. Ты вообще не отсюда, и спрос с тебя маленький... Понимаешь?

Гриша кивнул, но, судя по выражению лица, ни черта он не понимал. Жириковичок всё это время ерзал от нетерпения – ждал, когда мы закончим.

– Вот ведь как бывает, – поймав паузу, доверительно обратился он ко мне. – С виду рука как рука...

– Чего надо? – прямо спросил я. – Видишь же – люди разговаривают! Чего ты лезешь со своей рукой?

Жириковичок тонко усмехнулся и, понизив голос, проговорил без выражения и почти не шевеля губами:

– Ребром ладони могу вскрыть любой сейф...

– Что?!

В этот момент в коридоре показался майор – крупный светловолосый мужчина лет тридцати пяти. Поздоровавшись, он задержал взгляд на посетителе в мятом костюме, и в его серых глазах мелькнуло беспокойство.

– Вы опять ко мне? – вежливо, с еле уловимой запинкой спросил майор.

– К вам, Павел Николаевич! – отвечал, влюблённо на него глядя, вскочивший со стула жировичок. – Знаете, я сегодня всю ночь думал... Всё-таки на учёт меня поставить надо! Ведь если человек способен вскрыть сейф без помощи каких-либо инструментов...

Майор поморщился.

– Давайте лучше пройдем в кабинет, – предложил он.

– Конечно-конечно!.. – засуетился жировичок, и дверь за ними закрылась.

У меня потемнело в глазах.

Нет, вы прикиньте, что теперь получается! Заходит к майору этот чокнутый и говорит: «Здравствуйте, я вот ребром ладони сейфы режу, поставьте меня на учёт...» И тут же, следом, как нарочно, вхожу я, ввожу Гришу и говорю: «Здравствуйте, тут вот товарищ с другой планеты прибыл. Выговорить её невозможно, где находится – он не знает. Документы у него настоящие, но краденые, а что фотография везде его, так это вам только кажется...»

Я вскочил со стула.

– Гриша! – хрипло сказал я. – Айда отсюда!

Но тут дверь кабинета отворилась и в коридор вышел разобиженный жировичок. Быстро его майор...

– Ну? – с ненавистью бросил я.

– Всё в порядке, – неохотно отозвался он. – Поставил на учёт... Фамилию записал, адрес...

– А чего надутый такой?

Жировичок оскорблённо фыркнул.

– И здесь перестраховщики! – сердито помолчав, сообщил он. – Я, говорит, не могу доложить о вас начальству, предварительно не убедившись! Вот вам, говорит, мой сейф – режьте!..

– Ну? – еле сдерживаясь, процедил я. – А ты?

Жировичок опять фыркнул – на этот раз гневно.

– Неужели он сам не понимает? – с досадой сказал он. – Ну, разрезал бы я этот сейф, испортил бы казённое имущество, а отвечать кому? Ему же и отвечать! Станный он, ей-богу!..

– А ну пошёл отсюда!.. – прохрипел я, и жировичка не стало.

На шум из кабинета выглянул майор.

– Вы тоже ко мне? – спросил он. – Что ж вы не заходите?

Пришлось зайти. Мы отдали ему пропуска и опустились в предложенные нам жёсткие полукресла, стараясь не смотреть в угол, где стоял небольшой серо-голубоватый сейф.

– Слушаю вас, – деловито и в то же время доброжелательно сказал майор. – Только представьтесь сначала...

Представились. Услышав, что перед ним резчики холодного металла, майор насторожился и как бы невзначай покопился на сейф.

– Я вас слушаю, – повторил он.

Я поднялся и, ни на кого не глядя, полез в свою спортивную сумку за вещественным доказательством. Вынул, поискал глазами какой-нибудь ненужный предмет и, не найдя, установил на краешке стола спичечный коробок. Майор с интересом следил за моими действиями. Я отрегулировал рычажком дальность, аккуратно прицелился...

И ничего не произошло. Коробок как лежал – так и остался лежать. Машинка не сработала. Впервые.

А ведь я знал, что она не сработает! Ещё когда нажимал клавишу! Потому что не почувствовал электрических мурашек, бегущих от кисти к локтю. Вместо этого мурашки пробежали у меня по спине, но электрическими они не были.

– Не работает... – сказал я с тоскливым отчаянием и положил оружие на стол. Пропаций ты человек, Минька Бударин! На роду, что ли, так написано?..

Майор озадаченно разглядывал лежащий перед ним на столе большой ярко-оранжевый пистолет. Потом поднял глаза на меня.

– А работало? – живо спросил он.

– Не знаю, – сдавленно ответил я и сел, не чувствуя ниче-

го, кроме страшной разламывающей усталости.

Подумав, майор снял телефонную трубку.

– Ты сильно занят? – спросил он кого-то. – Тогда загляни ко мне. Да, прямо сейчас. Тут, кажется, кое-что по твоей части...

Трубка легла на место, и почти в тот же самый момент в кабинет вошёл хмурый темнолицый человек в штатском. Видно, у них кабинеты через стенку.

– Ну-ка, взгляни, Борис Иванович, – попросил майор. – Что это может быть?

Хмурый Борис Иванович, мельком глянув на нас с Гришей, поздоровался вполголоса и, подойдя к столу, принял оружие из рук майора. Не меняясь в лице, осмотрел, примерил к правой руке, к левой. Оказавшись в его огромных (больше, чем у меня) лапах, пистолет как-то сразу утратил свои внушительные размеры и стал ещё больше похож на детскую игрушку.

– А как это к вам попало? – довольно равнодушно спросил Борис Иванович.

Я прокашлялся.

– Да у пацана отнял... у соседского, – выдавил я, не решаясь поднять глаза на Гришу. – А пацан в овраге нашёл...

Борис Иванович кивнул и снова замолчал минуты на две. Майор ждал. Видимо, хмурый, загорелый дочерна человек был из тех, кого торопить не стоит.

– Ах, вот даже как... – пробормотал он наконец. – Значит,

это сюда...

Одним решительным и точным движением он сдвинул ствол, разъял рукоятку, вынул стеклянный экранчик, что-то вывинтил, что-то расключил... Как будто всю жизнь только и занимался тем, что разбирал и собирал такие вот штуковины.

Меня аж в спинку кресла вдавило, когда я увидел, что он делает. Вот убей – не решился бы разобрать!.. Да он бы и сам, наверное, не решился, если бы хоть раз увидел эту штуку в действии!

Борис Иванович разложил все детали на столе и удовлетворённо оглядел получившуюся картину.

– А почему вы обратились именно к нам?

– Так ведь... на оружие больно похоже...

Борис Иванович вставил одну деталь в другую и состыковал всё это с третьей.

– Да нет, это не оружие, – заметил он, вкладывая то, что получилось, в рукоятку.

– Думаешь, игрушка? – спросил майор.

Борис Иванович словно не слышал. Он прилаживал ствол.

– Игрушка?.. – чуть погодя с сомнением повторил он. – Вряд ли... Тут её, видно, до меня уже раза два разбирали и собирали. Внутри явно чего-то не хватает. Какой-то детали...

– Световой тир, – подсказал майор. – Такое может быть?

Борис Иванович прилаживал ствол.

– В прошлом году в город чехи приезжали с луна-парком, – задумчиво напомнил он. – У них там ничего не пропало из игровых автоматов?

– Могли и сами выбросить, – предположил майор.

– Могли, – равнодушно согласился Борис Иванович и положил собранный пистолет на стол.

Подумав, майор пододвинул к себе наши пропуска и аккуратно расписался на каждом.

– Ну что ж, спасибо. – Он вышел из-за стола и пожал нам руки – сначала мне, потом Грише. – Лишняя проверка, знаете, никогда не повредит. Правильно сделали, что пришли...

Отдавая Грише его пропуск, он обратил внимание на прикрытый чёлочкой желвак.

– А это что у вас?

– Производственная травма, – поспешил вмешаться я.

– Понимаю... – Майор сочувственно покивал.

– Забрать или пускай здесь остаётся? – спросил я, с ненавистью глядя на ярко-оранжевый пистолет.

Они переглянулись.

– Да нет, зачем же, – мягко сказал майор. – Конечно, заберите. Вещица неопасная, вдобавок сломанная... Отдайте пацану, пусть играет.

Я запихнул пистолет в сумку, и мы с Гришей пошли к двери.

– Михаил Алексеевич!

Я обернулся – резко, с надеждой. Верни он меня, посади

опять в это кресло, спроси, прищурясь: «А если честно, Михаил Алексеевич? Что всё-таки произошло у вас с этой штуковиной?» – клянусь, рассказал бы!..

– Вы у меня на столе спички забыли, Михаил Алексеевич...

Глава 12

Как это всё называется? А очень просто. Струсил Минька Бударин! Никогда ничего не боялся, а вот сумасшедшим прослыть – духу не хватило.

Выйдя из здания, мы пересекли трамвайную линию и углубились в парк. Шли молча. В левой руке у меня была сумка, в правой – спичечный коробок. Потом я швырнул всё это на первую подвернувшуюся скамейку и сгрёб Гришу за отвороты куртки.

– Твоя работа?

– Ты что, Минька? Ты о чём?

– О пистолете, – процедил я. – Какой там внутри детали не хватает?

– Да я же к нему не прикасался! – закричал Гриша, и я, подумав, отпустил его. Ведь в самом деле не прикасался...

– Ладно, извини, – буркнул я. – Давай тогда перекурим, что ли...

Мы присели на скамейку. Поодаль галдели пацаны и се-ребрилась беседка, сделанная в виде богатырского шлема.

– Ты не расстраивайся, – сказал Гриша, глядя на меня чуть ли не с жалостью. – В каком-то смысле там действительно не хватало одной детали. Самой главной.

Я не донёс сигарету до рта.

– А что за деталь?

– Коллектор, – сказал Гриша. – Не хватало камеры коллектора. Пистолет – он как антенна, понимаешь? Ну вот представь: человек не имеет понятия о радио, а в руки ему попала антенна от твоего транзистора. Что он о ней подумает? Игрушка. Раздвижная металлическая трубочка...

– Погоди-ка! – Я наконец сообразил. – Так это, выходит, у них на корабле авария?

На какое-то мгновение мне показалось, что всё ещё поправимо. Я почти видел этот застрявший где-нибудь возле отвала в щепкарьере корабль.

– Всё гораздо проще, – вздохнул Гриша. – Они улетели. И пистолет этот, как ты его называешь, теперь в самом деле не больше чем игрушка.

– Улетели? – встрепнулся я. – Совсем?

Гриша молчал. В том конце парка, утопленное на треть в серебристо-зелёную листву тополей, ожило «чёртово колесо». Ярко-жёлтая кабинка всплыла над кронами и, очертив неторопливый полукруг, снова ушла из виду.

– Гриш... А это устройство, которое ты ликвидировал... От него хоть что-нибудь осталось?

– Нет, Минька, – виновато сказал он. – Ничего...

Вот так. Ни доказательств, ни свидетелей...

– А ну-ка покажи, как ты там чего нажимал! В механизме этом... ликвидации...

Гриша нацарапал прутиком на асфальте квадрат и разделил его на четыре части. Четыре квадратные кнопки впри-

тык друг к другу. Левую верхнюю – раз, правую нижнюю – два раза, правую верхнюю и левую нижнюю – одновременно, и ещё раз – левую верхнюю. Система...

– А откуда узнал, как нажимать надо?

– Там было указано...

– Гриша! – с угрозой проговорил я. – Ох, Гриша!..

– Что? – испуганно отозвался он.

– Я же их видел вчера, Гриша! Я с ними дрался вчера, понимаешь? И дурачками ты мне их тут не изображай! Ангелы небесные – техника у них без охраны... Ты себя вспомни – каким ты был, когда от ангелов этих сбежал! Сам после смелы с ног валится, а морда – счастливая!..

Невесело усмехаясь, Гриша смотрел куда-то поверх деревьев.

– Физическая усталость... – выговорил он чуть ли не с нежностью. – Это ещё не самое страшное, Минька. Здесь хотя бы никто у тебя не спрашивает, о чём ты думаешь в данный момент...

– А там?

– А там спрашивают, – тихо ответил он, и опять неизвестно откуда взявшийся знобящий сквознячок заставил меня поёжиться.

* * *

Поначалу я даже не мог понять, о чём он говорит. Грише

то и дело не хватало наших слов, и он либо заменял их своими, либо переводил так, что запутывал всё окончательно. Голова у меня гудела и шла кругом. Мерещились, например, какие-то огромные соты типа осиных, и в каждой – по Грише Прахову. Потом в соты эти ни с того ни с сего вдвинулся вдруг самый обыкновенный коридор, в котором Гриша встречался с каким-то человеком и почему-то тайно...

Потом вроде бы мало-помалу кое-что начало проясняться. Насчёт закона, правда, который Гришка нарушал, я так ничего и не понял. И не пойму, наверное. А вот насчёт наказания... Страшноватая штука, честно говоря: что-то вроде бойкота. Ни тюрем, ни лагерей – ничего... Просто разговаривать с тобой никто не станет. Вернее, как... На служебные темы – пожалуйста, сколько угодно. А начнёшь с кем-нибудь, ну, скажем, о погоде – он идёт и тут же тебя закладывает...

– Погоди... А... с матерью, например?

Гриша вздохнул.

– Видишь ли... Боюсь, что это будет трудно объяснить... Словом, я не знаю, кто мои родители. Это вообще запрещено знать... Иначе нарушается принцип равенства...

– Что... серьёзно?..

Гриша не ответил.

– Да, – сказал я. – Житуха... Ну ладно, давай дальше...

Дальше – проще. Несмотря на все запреты, нашёлся человек, с которым Гришка мог болтать о чём угодно. Она...

– Стоп! – снова перебил я. – Кто «она»?

– Человек...

– О ч-чёрт!.. – только и смог выговорить я. – Так это, значит, она, а не он?

Выяснилось, что она. Ангелок с изъяном – все чёрные, а эта рыжая... Рыжая?

– Гриша, – позвал я. – А что, Люська сильно на неё похожа?

– Нет, – помолчав, отозвался он. – Но сначала показалось, что сильно...

О знакомстве своём Гриша тоже рассказывал путано. Я, например, так понял, что влюбился он в эту Рыжую... А выплыви всё наружу – быть бы и ей в особо опасных... Да тут ещё вот какая штука: в любое время, хоть посреди ночи, пиликнул сигнальчик – и будь любезен на контроль: доклады-вайся, где был, что делал. Даже думал о чём. О Рыжей Гришка, понятно, молчал – врал как мог, выкручивался по-всякому. А выкручиваться становилось всё труднее и труднее...

Была суббота, парк помаленьку заполнялся народом, и на нашу скамейку уже дважды нацеливались присесть. Но я каждый раз встречал заходящего на посадку таким взглядом, что он вздрагивал и шёл дальше.

А Гриша всё говорил и говорил. К концу рассказа лицо у него осунулось, побледнело, шевелились одни губы.

– А потом я узнал... – уже совсем умирая, закончил он, – что она ко мне...

– Равнодушна? – спросил я.

– Приставлена, – сказал Гриша.

Я медленно повернулся к нему.

– Стучала, что ли? – изумлённо вырвалось у меня.

И не просто стучала. Оказывается, это их обычный ангельский прием. Особо опасные, в какой их оборот ни бери, обязательно что-нибудь да скрывают. Исповедуются, но не до конца. И вот чтобы не упускать их из-под контроля да и чтобы окружающих от них уберечь, приставляют к ним кого-нибудь вроде этой Рыжей. И некоторых таким образом даже перевоспитывают.

Последние слова Гриша договаривал с трудом. Кто-кто, а уж я-то его мог понять.

– Да все они такие, Гришк...

Гриша слепо смотрел поверх деревьев, туда, где ужасающе медленно проворачивалось «чёртовое колесо».

– Не знаю... – сказал он. – Кажется, нет...

– Ну ладно, – хмурясь, бросил я. – Дальше давай.

– Дальше... Дальше я решил бежать.

– Так сразу?

– Да, – сказал он. – Сразу. Теперь-то я понимаю, что застал их врасплох. Задумайся я на минуту – и меня бы перехватили... Но так совпало, что я оказался возле исследовательского центра. Ну, это такое... – Гриша беспомощно посмотрел вверх, и я представил увеличенное раз в пять здание заводской лаборатории. – Словом, я вошёл туда...

– И не задержали?

– А некому было задерживать, Минька. Исследования свёрнуты, нигде никого... Да и потом кому бы пришло в голову, что кто-то может шагнуть за знак! Это же всё равно, что из окна шагнуть. Или сквозь стену...

– Ну, ясно, ясно, – проворчал я. – Газон перебежать, короче.

– Да, – сказал Гриша. – Газон.

Он помолчал, потом поднял на меня тёмные усталые глаза.

– Вот, собственно, и всё...

– Как всё? – всполошился я. – А документы? А язык?

– Язык? – безразлично переспросил он. – Да что язык...

Там это просто, Минька: надел шлем, нажал кнопку... Главное – решиться...

Из какого же сволочного рая ты вырвался, Гриша, если сидишь вот так, сторбясь, с остановившимися глазами, и ничего перед собой не видишь: ни людей, ни пыльного летнего парка!

– Ну и что? – постепенно наливаясь злостью, проговорил я. – Ну не повезло! Ну не сработала эта машинка, чёрт её дери! Мне вон всю жизнь не везёт – так что ж теперь, повеситься?!

Я вскочил. И в тот же самый момент пришла мысль. Вот всегда так со мной. Стоит разозлиться – и уже ясно, что делать дальше.

– Слушай, – сказал я. – Ну а, допустим, прилетает за тобой

ещё один корабль... Он тоже с этим... с коллектором?

– Насколько я знаю, все корабли с коллекторами.

– Все корабли с коллекторами... И что будет с этим... – я потыкал пальцем в сумку, – ...с пистолетом?

– Видимо, заработает.

– Зарботает? – И я почувствовал, как по лицу моему расползается глупейшая блаженная улыбка.

– Гриша! – сказал я. – Так какого же мы с тобой чёрта?.. Надо просто проверять эту машинку каждый день. Всё время её проверять! И как только заработает – всё бросать и бегом к майору!.. Ангелы, да? Охотиться за нами, да? Ну, давайте-давайте... Вы – за нами, а мы – за вами!..

Я уже был крепко взвинчен и расхаживал перед скамейкой, говоря без остановки.

– Брось, Гриша! – убеждал я его. – Чтобы два таких мужика – да не выкрутились? Со мной, Гриша, не пропадёшь! Ты, главное, Гриша, не робей! Мы тебя научим на собаку лаять!

* * *

Домой мы вернулись часам к пяти.

– Да! – вспомнил я перед самой калиткой. – Ключ-то за-бери. И не оставляй больше...

Слова мои поразили Гришу Прахова. Он взял у меня ключ от своего шкафчика, стиснул его в кулаке, а кулак прижал к груди.

– Минька, – сказал он. – Можно, я задам тебе один вопрос?

– Ну, задай.

– Зачем я вам нужен?

Ничего себе вопросец!

– А чёрт его знает, – честно ответил я. – Вроде привыкли уже к тебе...

* * *

Дома нас ждал сюрприз. Заходим мы с Гришей в большую комнату, а на диванчике – рядышком и чуть ли не за руки взявшись – сидят мать и Люська, обе заплаканные.

Увидев Гришу, Люська вскочила, вскрикнула и кинулась к нему. Я, конечно, посторонился – того и гляди затопчут.

– Я так и знала, я так и знала!.. – всхлипывала Люська, вцепившись в бедного Гришу. – Я же чувствовала – что-то случится!..

Интересное дело, вяло подумал я. Мать – чувствовала, Люська – чувствовала... Один я ничего не чувствовал.

– Я его посажу! – всхлипывала Люська. – Я его посажу!..

– Кого? – спросил я.

– Бехтеря, кого же ещё! – ответила за неё мать. Тоже всхлипывая.

– Какой Бехтерь, чего вы плетёте? – сказал я. – Бехтерь к нему и близко не подходил.

Люська уставилась на меня бешеными зелёными глазами.

– Не подходил? А лоб почему разбит?

– Так это не Бехтерь, – объяснил я. – Это я ему рейкой заехал.

– Как? – в один голос сказали мать и Люська.

– Случайно, – буркнул я и пошёл спать, хотя солнце только ещё собиралось садиться. Пусть сами как хотят, так и разбираются.

Добравшись до койки, сел и долго смотрел на шнурки кроссовок – не было сил нагнуться и развязать... Но Люська-то, а? Ишь как вскинулась! Это потому, Люсенька, что у тебя никогда никого не отнимали... Надо же – сама прибежала!..

* * *

Мне снилось вчерашнее сражение в старом сквере. Вернее, даже не само сражение – всего один момент: я сижу в проломе, стискивая штакетину, а они уходят – два ангела и Гриша между ними, – и серый полусвет льётся им навстречу, и это уже не люди, а три плоских колеблющихся силуэта... Я заставляю себя броситься за ними – и не могу. Вот ведь какая штука: наяву не испугался – во сне боюсь...

Я просыпался и подолгу лежал, глядя в потолок и понимая с облегчением, что Гришу я всё-таки отбил. Потом запускал руку под подушку, доставал пистолет и брал на при-

цел спичечный коробок. Нажимал на спуск, вздыхал, захивал мёртвую машинку обратно и снова оказывался в проломе со штакетиной в руках...

Глава 13

– Гринь, – сказал Сталевар с умильной улыбкой, отчего сразу стал похож на старого китайца, – пока смена не началась, слетал бы за газировкой...

Все подождали, когда Гриша с чайником отойдёт подальше, а потом повернулись ко мне.

– Ну и что он? – уже без улыбки спросил Сталевар. – Уезжать не раздумал?

Я взглянул на их озабоченные лица и вдруг понял, что должен был чувствовать Гриша в первые дни. Разные? Да по сравнению с ними мы – дворняжки! Мы – беспородные переулочные шавки, и каждая скроена на свой манер! А эти – на подбор, в рост, в масть, как доберманы-пинчеры на собачьей выставке!..

– Может, он недоволен чем? – прямо спросил бригадир. – Если разрядом – будет у него скоро хороший разряд... Ну нельзя его отпускать, Минька! Ты ж первый резчик – сам понимать должен. Сунут опять в бригаду кого попало! Или – тоже весело – впятером тыкаться!..

– Ты... это... – немедленно взволновался Старый Пётр. – Ты, Валерка, знаешь... того... Впятером – не впятером... Чего ему уезжать? Ну ладно бы ещё в техникум или учиться... А то ведь просто так, по дурасти...

– Что у него там с первой женой? – спросил Валерка.

– Чего? – сказал я.

– Ну, жена его из дому выгоняла или не выгоняла?

– Не выгоняла, – ответил за меня Сталевар. – Он, говорят, сам от неё ушёл. А теперь вот, видишь, родственники её грозить приехали...

Я только очумело переводил глаза с Валерки на Сталевара и обратно.

– Да шалопай он, ваш Аркашка! – рассердился вдруг Старый Пётр. – Откуда Аркашке про Гриньку знать? И ты тоже, Илья... – заворчал он на Сталевара. – Голова уж седая, а Аркашку слушаешь...

– Родственники... – презрительно пробасил Вася-штангист. – Какие там родственники? Тут в Бехтере дело. В раздевалке Гриньку без каски видели? Шишмарь у него на лбу видели? Чего вы суетитесь? Всё уже улажено. Встретил я вчера Бехтера, поговорил...

Все посмотрели на Васю. Бедный Бехтерь...

– Ну так как же всё-таки? – снова спросил меня Сталевар. – Уезжает?

– Мужики! – сказал я. – Куда он от нас денется?

* * *

Перед тем как включить пресс, открыл инструментальный шкафчик, залез в него по пояс и, достав из-за пазухи ярко-оранжевый пистолет, проверил. Молчит пока...

После обеда, когда возвращались из столовой, меня окликнула Люська. Что-то, видно, случилось. Невеста наша была вне себя – аж зелёные искры из глаз сыплются. Позади неё с потерянным видом жался Гриша Прахов. И с чего это я взял, что они похожи? Так, слегка, может быть...

– Минька! – бросила Люська, глядя мне прямо в глаза. – С кем вы вчера дрались в сквере?

Я посмотрел на Гришу. Гриша Прахов ответил мне унылым взглядом и слабо развёл руками.

– А друг с другом, – спокойно отозвался я. – Разве не понятно?

– Я серьёзно! – сказала она.

Да уж вижу, что серьёзно... Серьёзней некуда. Надо понимать, проболтался Григорий.

– Я всё рассказал Людмиле, Минька, – виновато пояснил он.

– А всё – это как?

– Н-ну... в общих чертах...

– С кем вы вчера дрались? – еле сдерживаясь, повторила она.

– С инопланетянами, Люся, – сказал я. – Тут, понимаешь, за Гришей с его планеты прилетели... А что ты на меня так смотришь? Сама спросила...

– Минька! – голос у Люськи дрогнул от бешенства. – Мне твои шуточки ещё с такого вот возраста надоели! С вот такого вот...

И она показала рукой, с какого возраста ей надоели мои шуточки. Потом резко обернулась к Грише.

– А ты учишься у него! – зловеще посоветовала она. – Учись, он тебя много чему научит! Вместе шутить будете! Но только не со мной, понятно?!

Брызнула напоследок зелёными искрами – и пошла. Гриша дёрнулся было вслед, остановился и беспомощно поглядел на меня.

– Кто тебя за язык тянул? – сказал я. – Ну беги теперь, догоняй... Скажи: извиняюсь, мол, за глупую шутку, попал под дурное влияние Миньки Бударина.

– Но...

– Иди-иди. – Я развернул его и подтолкнул в спину. – А то перерыв кончится...

Да, вразумил меня жировичок, хорошо вразумил... Спасибо ему. Не попадись он нам тогда перед дверью кабинета – я бы ведь на рожон полез, я бы майора за грудки тряс, я бы до самого их высшего начальства дошёл... Чтобы все поняли как следует – психи пришли: один – буйный, другой – тихий...

* * *

Подходя к прессу, я ещё издали заметил, что вся наша бригада столпилась возле инструментального шкафчика. Почуввав неладное, я ускорил шаг. Тут они чуть расступились,

и в руках Валерки мелькнуло что-то оранжевое.

Увидев меня, бригадир лихо ослабился и, быстро прицелившись, сказал: «Бах!»

Не раздумывая, я бросился на пол. У Валерки отвисла челюсть. В такой позиции он меня ещё не видел. Да и остальные тоже...

Я поднялся, кряхтя от стыда, и, подойдя к бригадиру, отобрал у него пистолет.

– Тебя кто учил без спросу хватать?

– А чего ж ты его в шкафчик сунул? – растерялся Валерка. – Сталевар за ветошкой полез, а он как раз под ветошкой лежал...

– Говорил ведь шалопаям: не ваше, не трогайте... – забрюзжал Старый Пётр. – Вот народ...

– А это что ж такое? – опомнившись от изумления, спросил Сталевар.

– Игрушка! – бросил я. – Племяннику купил...

– А с каких это пор у тебя племянники появились?

– Ну не племяннику... У знакомой одной пацан – вот ему...

– А-а... – На меня поглядели с пониманием.

– Дорогая, небось?

– Дорогая.

– погоди, – всё ещё не мог сообразить Сталевар. – А чего ж ты тогда залёг?

– Поскользнулся! – буркнул я.

Домой со смены нарочно пошёл через сквер – посмотреть, как там, после сражения. Накрапывал дождик. Чистые пятна от выстрелов исчезли, на пропажу скамейки и урны никто не обращал внимания. Наверное, один только я и помнил, что здесь стояла скамейка...

Глава 14

– Наташка-то развелась, – сказала мать.

Я даже не заметил, когда она вошла, – транзистор сильно орал.

– Наташка?.. – рассеянно переспросил я. – Какая Наташка?

Мать остолбенела.

– Наташка... – беспомощно повторила она, и я наконец отвлёкся от разложенных на столе деталей.

– Развелась? – спросил я. – Давно?

– Да, говорят, недели две уже...

– Понятно... – сказал я, помрачнев. Вставил одну деталь в другую и состыковал всё это с третьей.

Мать долго ждала продолжения. Потом подошла к столу и выключила транзистор.

– Ты жениться когда-нибудь думаешь? – прямо спросила она.

– Думаю, мать, думаю...

– Вижу, как ты думаешь! – сказала она, сердито наблюдая за тем, как детали в моих руках мало-помалу собираются в большой ярко-оранжевый пистолет. – Хоть бы Гриша на тебя, что ли, подействовал! У них-то с Люсей...

– Мать, – сказал я. – Ну ты же раньше Люську терпеть не могла.

– Мало ли что! – возразила она. – Раньше я её не знала.

– Да пойми ж ты, мать, – сказал я с тоской. – Ну не до того мне сейчас!

– Да уж вижу, что не до того! Семьи нет, детей нет, а он сидит в игрушки играет!..

Повернулась и вышла. Я с досадой бросил собранный пистолет на стол. Развелась... Ну и развелась! Какая тут Наташка, когда мы с Гришей уже второй месяц вроде как на военном положении!

Тут я заметил, что одна деталька осталась лишней. Ну вот... Снова теперь разбирать...

Машинку изучил – не хуже своего пресса. Собрать-разобрать – с закрытыми глазами, хоть норматив сдавай, а как работает – убей, не пойму... Вот она откуда, эта деталька. И всё равно – какая-то она лишняя...

Мать говорит, характер у меня совсем испортился. Испортишься тут... И от Гриши проку никакого! Показать, где планета находится, – он не астроном, карту начертить – он не географ. Ну хотя бы приблизительно нарисуй: вот здесь океан, здесь материк... Ну нарисовал. А толку? Глаза б мои на него не глядели!..

А ангелы – сволочи, как бы их там Гришка ни выгораживал!.. Живут, понимаешь, – пылинки друг с друга смахивают, только и думают, как бы кого нечаянно локотком не толкнуть... Кибернетика у них, автоматика, корабли космические... А против Гришки десант бросили! Как вспомню

сквер – головы бы им всем посворачивал!.. Хотя, конечно, это ещё вопрос: кто кому... Эх, не мне бы этим заниматься!..

А что это транзистор замолчал? Ах, да... Я шлепком вогнал трубчатую антенну в гнездо по шляпку и поднялся из-за стола.

Время было позднее. Взглянув поверх занавески, в одном из жёлтеньких окон соседского дома я увидел дядю Колю. Вот ещё тоже жертва... Нет, кроме шуток: здорово на него тот случай подействовал. Тихий стал старичок, задумчивый. Пенсию домой приносит до копеечки, а уж сквер, наверно, за версту обходит...

В Гришиной комнате скрипнула койка. Я удивился и, прихватив пистолет, направился к нему.

– А я думал, ты Люську пошёл провожать...

Гриша неподвижно сидел на койке, уставясь куда-то в угол.

– Я не имел права втягивать тебя в эту историю, – глухо сказал он. – И её тоже...

Неужели он весь вечер так просидел – глядя в стену?

– Ну пойдй повесься тогда, – предложил я. – Чего уж теперь...

– Понимаешь... – сказал он. – Вернуть меня обратно – это для них дело принципа... Они не отступят, Минька.

– А ты меня не пугай. Я и так боюсь.

Он недоверчиво посмотрел на меня.

– Правда?

– А то нет? – проворчал я.

Помолчали.

– А хуже всего, конечно, то, – уныло добавил Гриша, – что они, в общем-то, правы...

– Слушай, ты! – рявкнул я. – Ангелочек! Они тебе что, много доброго сделали? Правы! Мухтар – и тот больше тебя соображает... Чего уставился? На хороших людей собака выть не станет!.. Почему Люську провожать не пошёл?

Плечи у Гриши сразу опустились, взгляд потускнел – сидит, в стенку смотрит.

– Будет лучше, если мы с ней поссоримся...

– Поссоритесь?.. Ты с какого гвоздя сегодня сорвался?

– Если я вдруг исчезну... для неё это будет ударом.

– Ага... – сказал я, помаленьку приходя в себя. – Нормально... А раньше ты что же?

– Раньше она не относилась ко мне серьёзно.

Вот так! А я думал, он ничего не понимает...

– Пойдёшь завтра провожать! – бросил я. – И попробуй только не пойдёшь!

Тут я спохватился, что постоянно тычу в Гришу стволом, и засунул пистолет рукояткой в карман.

Гриша моргал. Поссориться с Люськой – пара пустяков, а вот помириться... Внезапно лицо его прояснилось. Придумал, значит.

– Минька, – осторожно начал он. – Тридцатого наши всей сменой за грибами собираются... На автобусе...

– Не бери в голову, – сказал я.

– Да, но... Люся ведь тоже едет...

– Слушай, Гришк! Ты просто не знаешь, что я за человек!

Вот попомни мои слова: стоит нам высунуть нос за город – и машинка заработает! По закону подлости – знаешь такой закон?.. В общем, никаких грибов, Гриша. Нельзя нам от майора отрываться...

* * *

Кончался август. И я не знаю, в чём дело, но только Наташка стала попадаться мне на глаза чуть ли не каждый день. Еле успевал на другую сторону переходить. Но однажды всё-таки не уберёгся.

– Ну куда ты полез, Миша! – услышал я совсем рядом её рассерженный голос и, вздрогнув, остановился. – Куда тебя понесло? Вернись сейчас же!

Это она со своим пацаном воевала. Увидев меня, растерялась.

– Миша?.. Здравствуй...

А губы – ну совершенно детские. И носик такой пряменький, аккуратный...

– Привет... – осторожно отозвался я. – Как жизнь?

– Вот... погулять вышли... – ответила она.

Я смотрел на неё и соображал, что бы ещё такое сказать.

– Я слышал, развелась ты...

– Развелась. А ты? Так до сих пор и не женился?

– Да некогда всё, – сказал я. – Дела.

Тут подошвы моих кроссовок словно приплавились к асфальту, а рука сама прыгнула в сумку, где лежал пистолет. Вдоль решетки сквера прямо на нас шли трое молодых людей. Все одного роста, смуглые, горбоносые... Гортанно переговариваясь, прошли мимо. С Кавказа, видать, ребята... Я наконец обратил внимание, что Наташка меня о чём-то спрашивает.

– Дела? Какие?

– Такие дела, что закачаешься, – хмуро ответил я.

– Скамейку нашу помнишь? – спросила она вдруг.

Я буркнул, что помню.

– Сменили её. Новую поставили...

– Серьёзно? – сказал я. – Надо пойти посмотреть.

Она жалко улыбнулась уголком рта.

– Чего уж там смотреть...

Замолчали. Наташкин пацан штурмовал ограду сквера – протискивался меж прутьев туда и обратно.

– А у меня день рождения скоро...

– И что? – насторожившись, спросил я.

– Приходи. Если сможешь, конечно...

Так... Потянули телка за верёвочку... Не дурачок ведь, понимаю, в чём дело. Всё прекрасно понимаю. Не дождалась, выскочила замуж, промахнулась, развелась, вспомнила, что Минька Бударин до сих пор не женат.

– Не знаю, в общем... – проямлил я. – Мы тут, понимаешь, как раз тридцатого всей сменой за грибами выезжаем...

* * *

Кое-как унеся ноги, решил взглянуть на новую скамейку. Посидел на ней, потрогал гладкий брус, где раньше было вырезано крупно и глубоко: «НАТАША!» Ладно. По грибы – так по грибы. За мной ведь тоже, как за Гришей, глаз да глаз нужен. Оставь меня в городе – возьму да и сорвусь на день рождения, кто меня знает!

Кто-то остановился передо мной, постоял немного и сел рядом. Я покосился на подсевшего и увидел, что это Бехтерь.

– Ну, здравствуй, – не приветливо сказал я ему. – Что? Лавки другой не нашлось?

Бехтерь снял фирменные очки и долго тёр переносицу.

– Ну хоть бы ты мне, что ли, объяснил, – с тоской попросил он. – Бил я его тогда или мне это так, от злости померещилось?

– От злости, – сказал я.

Бехтерь усмехнулся. Что-то плохо он выглядел – то ли больной, то ли усталый.

– Ничего, – сказал он. – Она ещё с ним наплачется.

– Это почему же?

– Наплачется, – упрямо повторил Бехтерь. – Вот увидишь. Я-то знаю, что он за человек...

– А ты-то сам что за человек?

Бехтерь вдруг ухватил меня за руку.

– Минька! – сказал он. – Не хотел я с ним тогда драться, веришь? Хотел подойти, поговорить по-людски, с глазу на глаз... Она ведь заявление из загса забрала, Минька! А он даже говорить со мной не хочет. Морду воротит, понимаешь? Простите, говорит, мы с вами не знакомы... Ах ты, думаю!..

Бехтерь задохнулся и умолк. Так это он, выходит, один на один отделал того... которого я потом рейкой? Ай да Валька! Как же надо было разозлиться!..

– Не того ты отлупил, Бехтерь, – сказал я ему. – Не Гришу. Он вскинул голову.

– Что... правда?

– Правда, – сказал я.

Бехтерь подумал, потом уныло кивнул.

– И что он теперь? Этот, кого я... В суд на меня, да?

– Да нет, Бехтерь, – вздохнул я. – Никто на тебя в суд подавать не будет...

Первый раз в жизни я говорил с ним не раздражаясь. А может, меня и раньше раздражал не столько сам Бехтерь, сколько этот его дурацкий фирменный оскал.

– Кончай киснуть, Валька, – сказал я ему. – Сам понимаешь: ушла – значит, ушла. Другую найдёшь.

– Не найду, – безразлично ответил мне Валька Бехтерь.

Глава 15

Наш автобус стоял у ручья на опушке, и огромная верба время от времени лениво проводила по его крыше кончиками узких листьев.

Я влез в автобус, и спавший на заднем сиденье шофёр поднял голову.

– Свои, свои... – успокоил я его. – Спички только возьму.

Я пробрался к своей сумке и устроил в ней маленький переворот. Коробок, конечно, оказался на самом дне. Я разгрёб продукты, переложил пистолет... и от кисти к локтю проскочили знакомые электрические мурашки.

Ещё не веря, я торопливо установил спичечный коробок на сиденье, прицелился и утопил спусковую клавишу.

Коробок исчез.

Несколько секунд я тупо смотрел на глянцевый от чистоты край кожаного сиденья. Потом швырнул пистолет в сумку, ремень – через плечо и вылетел из автобуса.

С трёх сторон шевелился лес, огромный, просвеченный солнцем. Ну и где мне их теперь искать, этих голубков? Я прикинул, на какое расстояние могли разбрестись грибники, и чуть не застонал...

Полчаса, не меньше, я бегал по лесу сломя голову и выспрашивал наших, не видел ли кто Гришку с крановщицей. Как провалились, честное слово! Отмахав здоровенный

крюк, вернулся к автобусу и там, на краю опушки, наконец увидел Люську. Сердце у меня радостно прыгнуло и тут же оборвалось: Гриши с ней рядом не было.

– А где...

Я не договорил. Она вскинула голову, и лишь тогда я понял, что никакая это не Люська.

Куртка – другая, волосы – рыжие, но чуть потемнее, потом – короткая стрижка, каких Люська отродясь не носила... И даже не в этом дело! Лицо. Вроде бы Люськино – одно к одному, а взглядишься... Куда там до неё Люське! Ну вот как киноактриса на плакате: красивая – аж дух захватывает, а в жизни такую – расшибись – не встретишь...

Уж не знаю, как я тогда выглядел, но, по-моему, она меня испугалась. Смотрит – глаза серые, большие, зрачки – вздрагивают...

– Я здесь гуляю... – пояснила она.

– Ага... – Я обалдело кивнул, и мы двинулись в разные стороны. Боком. Не спуская друг с друга глаз. У неё левая рука – за пазухой, у меня – в сумке.

Стоило ей скрыться из виду, я шарахнулся вправо и, хрустя сучками, скатился в какую-то канаву. Слева – как бы в ответ – тоже раздался короткий треск веток. Понятно...

Пригибаясь, добежал до конца канавы и там только перевёл дыхание. Вот это да! Рыжая, а? Сама пожаловала... Как же это они нас так быстро вычислили?..

От ствола к стволу, как на территории противника, всё вы-

смаатривая, не мелькнёт ли где в кустах оранжевый пластик пистолета, убрался подальше. Что ж теперь делать-то? Кричать – услышат. Гришкино имя они по документам знают...

– Люська-а!..

– Чего орёшь?

Я обернулся. Они стояли буквально в десяти шагах от меня.

– Влипли, Гриша, – сказал я, подойдя. – Вот они тебе, грибы твои!..

Гриша Прахов побледнел и прислонил к дубу тонкий рогатый посошок.

– Заработала? – еле слышно спросил он. – Когда?

– Полчаса назад.

– Значит, скоро они будут здесь... – медленно проговорил он.

– Дурак! – прохрипел я. – Они уже здесь!

– Вы что, ненормальные оба? – спросила Люська. – Вы себя со стороны послушайте!

Я повернулся к ней – и осёкся. Вот ведь разные, а?! Нет, конечно, Рыжая и красивее, и нежнее... но по сравнению с Люськой – какая-то вроде ненастоящая...

– Люська! – сказал я. – Ради бога! Хоть ты не лезь!

– Опять инопланетяне? – недобро прищурясь, спросила она.

– Опять!

На секунду мне показалось, что она сейчас размахнётся и

даст мне лукошком по голове.

– Люся, я всё объясню... – заторопился Гриша.

– Не надо, – спокойно проговорила она. Взяла прислонённый к дубу рогатый посошок и пошла прочь. Отойдя на несколько шагов, оглянулась и добавила безразлично: – По-едем в город – в автобусе ко мне не подсаживайся...

Волосы её на этот раз были заплетены в короткую толстую косу, и коса эта при каждом шаге с каким-то особым презрением качалась туда-сюда – рыже-золотистый маятник с пушистой метёлкой на конце.

Гриша двинулся было за ней, но я его удержал.

– Пусть идёт, – бросил я. – Или ты её тоже хочешь втянуть?

Гриша испуганно затряс головой.

– Тогда давай думать, как нам быстрее в город попасть. Выйдем сейчас к автобусу...

– К автобусу? – жалобно переспросил Гриша, всё ещё норовя оглянуться на уходящую Люську.

Я чертыхнулся.

– Верно! Там же, возле автобуса, эта... Тогда вот что: автобус обогнём, так? Выйдем по грунтовке к шоссе – и авто-стопом до города. Вперёд!

Проскочив испятнанную солнечными зайчиками поляну, мы наткнулись на Сталеvara. Похожий скорее на лешего, чем на грибника, он ворошил палочкой траву возле старого пня. Увидев нас, удивился.

– А ты откуда здесь взялся? – спросил он Гришу. – Аркашка говорит, он тебя в другой стороне видел.

– У шоссе? – похолодев, спросил я.

– Ну да... Ещё, говорит, странно: Гриша – и вдруг без Люськи... Поссорились, что ли?

Мы с Гришей посмотрели друг на друга. Обложили нас, короче. Со всех сторон обложили... А, нет, врешь – не со всех!..

– Слушай, Сталевар, – сказал я. – Тут вот какая штука... Мы сейчас, наверное, с Гришей вернёмся... Ну, дело есть в городе, понимаешь? Скажи Люське, чтобы Гришкину сумку потом из автобуса забрала, – некогда нам...

Сталевар уставил на меня круглые глаза, ставшие в лесу ещё желтее, и ухмыльнулся от уха до уха.

– Утюг забыл выключить?

– Ага, – сказал я. – Утюг...

* * *

– Стоп! А грибникам нашим они ничего не сделают?

– Нет, – отрывисто отозвался Гриша. – Они охотятся только за нами. Точнее – за мной...

Тропинка уводила нас всё дальше и дальше от опасных мест. Вот где было грибов полно! Теперь они даже не прятались – чувствовали, видно, что нам с Гришей не до них.

– А чего это ты с пустыми руками идёшь? – спохватился

я. – Ну-ка, стой!.. Хор-роший, однако, дрын! Как будто сам нас нашёл...

Я оторвал приглянувшуюся мне полуотломленную сухую ветку – прямую, крепкую, толстую, как оглобля.

– Вот... – сказал я, отшибая лишние сучья. – А то висит дровина без дела...

Раскрыл перочинный нож и на ходу принялся доводить дровину до ума.

– Как же они всё-таки разнюхали, что мы здесь? – с досадой проворчал я, добравшись до особо трудного отрезка.

– Может быть, засекли выстрел... – уныло отозвался Гриша. – Ты ведь выстрелил, да?

– Как? – Я даже остановился. – Так они, значит, могут по выстрелу... А точно знаешь?

– Я предполагаю, – пояснил Гриша. – Если пистолет теперь связан с коллектором на корабле...

Я готов был его придушить.

– Вслух надо предполагать такие вещи! Вслух, а не в тряпку!..

Снова двинулись. Гриша испуганно молчал. Я, успокаиваясь, строгал дровину. Сказать ему про Рыжую или не говорить? Нет, лучше не надо... Ну его к лешему – слабонервная команда...

Я закончил строгать и сложил ножик. Серьёзная вышла дубина.

– На, держи, – буркнул я. – В случае чего – в лоб! И не

раздумывая, понял?

– По-моему, за нами кто-то идёт, – сказал Гриша.

Глава 16

– Ну-ка, спрячься, – приказал я. – Встань за дерево. Значит, всё понял, да? Если что – в лоб!

Я достал пистолет и тоже отступил в сторону. Отрегулировал рычажком дальность, но заранее целиться не стал. Ангелы ходят бесшумно. Чёрта с два мы бы их услышали первыми.

Тут ветки всколыхнулись и... Как я в неё тогда не выпалил с перепугу – до сих пор удивляюсь. Я ж её чуть за Рыжую не принял... Короче, из-за поворота тропинки выбежала расстрёпанная Люська. В руках у неё не было уже ни лукошка, ни посошка. Коса на бегу расплелась, и теперь над Люськиной головой вставала огненная туча спутанных волос. Увидав меня, Люська резко остановилась.

– Гриша?! – И задохнулась.

Гриша вылетел из-за дерева. В лесу стало очень тихо. Кукушка невдалеке отсчитывала кому-то уже, наверное, вторую сотню лет. Люська не мигая смотрела на двух придурков: один – с пластмассовым пистолетом наизготовку, другой – с каким-то дышлом наперевес.

– Ну и какого чёрта ты за нами увязалась? – со злостью спросил я.

– Куда вы идёте?

– В город.

– Зачем?

– Люська! – сказал я. – Пожалуйста! Иди к автобусу! Не до тебя сейчас!..

– Я прошу тебя, Люся... – поддержал меня Гриша.

– Никуда я не пойду! – отрезала она. – Господи, да что же это такое! Всё бросили, вещи бросили... Почему забрать сумку из автобуса?.. Я никуда не пойду, пока вы мне всё не объясните, слышите?

– Что тебе объяснить? – взорвался я. – Ну, гонятся за нами! Гонятся, понимаешь?

– Кто за вами гонится?

– Инопланетяне! – рявкнул я. – С рожками! С ножками! С крылышками!.. Иди к автобусу!

– Не пойду!

Я открыл было рот и вдруг замер. Низкое, еле слышное жужжание прошло над деревьями и пропало где-то впереди. Нет, не пропало... Снизилось и загуляло между стволами, мало-помалу приближаясь к нам. Кукушку – как обрезало. Я оглянулся на Гришу.

– Они? – одними губами спросил я его.

Гриша неопределённо потряс головой. Лицо серое, зубы стиснуты.

– Не знаю, – ответил он шёпотом.

– Что ты вообще знаешь?.. – прошипел я, лихорадочно соображая, на какое расстояние мне поставить дальномер моей машинки.

Жужжание приближалось. Теперь уже не было сомнения, что идёт оно напрямиком на нас.

Гриша с Люськой стояли оцепенев – бери их голыми руками. Опомнясь, я толкнул их что было силы, и, отбежав шагов на десять от тропинки, мы втроём повалились в траву.

Жужжание выплыло из кустов, но я ничего не увидел. Звук двигался в метре над тропинкой, я мог показать пальцем, откуда он сейчас раздаётся, но там ничего не было. Просто звук.

Быстро посмотрел на Люську. Не дай бог в обморок упадёт – ещё и её на себе тащить!.. Плохо я подумал о Люське. Так она и позволила себе упасть в обморок! Побледнела, вцепилась пальцами в ствол – чуть кору не сорвала...

Жужжание задержалось над тем местом, где мы только что стояли, потом снова двинулось и стало удаляться, но уже не по прямой, как раньше, а то и дело давая петли то в одну, то в другую сторону.

– Они... – хрипло сказал я, поднимаясь. – Сколько здесь живу, а такого ни разу не слышал... Ты когда-нибудь слышала?

Люська помотала головой. Вроде бы приходила в себя.

– Что это? – спросила она.

– Инопланетяне... – устало ответил я. – И Гриша твой – инопланетянин... Особо опасный преступник...

Она посмотрела на меня, потом на Гришу. Выражение лица у неё было самое жалобное.

– Не понимаю... – беспомощно сказала она.

– Люська! – взмолился я. – Ну не время сейчас! Я два месяца понять пытаюсь – и то до сих пор до конца не понял! А у нас нет двух месяцев! У нас минуты лишней нет, ясно тебе? Нам в город надо, к майору... Иди обратно, Люська! Иди к автобусу! Ну что нам, на коленях тебя просить?..

– Это очень опасно, Люся... – в отчаянии добавил Гриша.

В лесу ожила кукушка. Сказала один раз своё «ку-ку», а повторить так и не решилась. Можно понять птичку...

– Куда обратно? – встрепелась Люська. – Туда? Я теперь туда не пойду!

– Да не тронет оно тебя! – сказал я. – Ты-то здесь при чём?

Чуть запрокинутое лицо её на секунду застыло, и Люська вдруг стала до жути похожа на Рыжую, – только вот причёска другая... Нельзя нам её с собой брать. Во-первых, в самом деле опасно, а во-вторых, попробуй угадай, что она отчудит в следующий момент...

– Я иду с вами! – решительно сказала Люська. – Только сначала вы мне всё расскажете!

Ну вот... Так я и знал! Вне себя выхватил из пачки сигарету и, не найдя в левом кармане спичечного коробка, полез в правый.

– Люська!.. – начал я.

– Я иду с вами! – Она повысила голос.

Ну вот что ты с ней будешь делать!

– Ладно, – буркнул я. – Гриша тебе всё по дороге расска-

жет. Только громко не болтать, ясно? Гриша, где дрын? Я для чего его строгал? Чтобы ты его под деревом бросил?..

Недовольный, я выбрался на тропинку и зашагал, перекачивая в губах незажжённую сигарету и машинально хлопая себя по всем карманам. Были же спички... Может, я их опять в сумку кинул?

За спиной у меня – сбивчиво, взхлёб, наперебой – говорили Гриша и Люська. Я не слушал. Вернее, слушал, но не их. Пока вроде ничего подозрительного... Будем надеяться, что ангелы нас потеряли.

Да что за чёрт – и в сумке тоже спичек нет!.. И тут я наконец вспомнил. Я же их собственными руками отправил на корабль к ангелам! Ну не дурак, а? Полный коробок!..

Я остановился, и разговор у меня за спиной мгновенно смолк. Обернувшись, я увидел, что Гриша с Люськой смотрят на меня во все глаза.

– Спички есть у кого-нибудь? – спросил я.

Они даже не сразу меня поняли. Напугал я их своей остановкой.

– Ненормальный, – еле выговорила Люська. – Разве так можно? Чуть сердце не разорвалось...

– Да что ты мне про сердце! – сказал я. – Спички у тебя есть?

– Нет у меня спичек! – отрезала она.

– А я не курю, ты же знаешь, – добавил Гриша.

Тоже мне грибники! В полном расстройстве я засунул си-

гарету в пачку. Это что же я теперь, до самого города без ку-рева буду? Совсем весело...

Некоторое время Гриша с Люськой молчали. Потом заго-ворили снова.

– То есть как запрещалось? – дрогнувшим голосом пере-спрашивала Люська. – Говорить запрещалось? Ни с кем – ни с кем?..

Я так понимаю, что, когда выйдем на майора, она о Гриш-киной планете больше меня знать будет...

* * *

Переход до Глубокой балки сожрал у нас почти весь оста-ток дня. Отвык я от таких маршей. Ну, куда это – почти де-сять километров пешком отмахать! Хорошо хоть без при-ключений. Вот только шмели нас часто пугали – жужжат по-хоже...

А приключения начались сразу же за Глубокой балкой. Напрямик по стерне мы идти не отважились и решили просочиться по тонкой ниточке лесопосадки. Жужжание на-валилось внезапно, сверху. Мы попадали на землю, и оно пошло кружить, становясь всё громче и громче. Потом я – по какому-то наитию, не иначе – лёг на пистолет брюхом, и звук остановился как бы в нерешительности. Поплутал по кустам смородины и, взвыв, ушёл в поле. Некоторое время мы лежали неподвижно. Потом я сдул прилипший к губам

жухлый листок и сел.

– Гриша, – позвал я. – Знаешь, в чём дело? Пистолет оно чувствует, вот что...

– Очень может быть... – отозвался он, тоже приподнимаясь.

– Но ведь я же не стрелял...

Гриша пожал плечами и не ответил.

– Да выбросьте вы его! – сказала Люська, с ужасом глядя на ярко-оранжевую игрушку.

– Нельзя, Люська, – с тоской проговорил я. – Никто нам без этой машинки не поверит...

Глава 17

Огромное тяжёлое солнце, вишнёвое, как остывающий металл, почти коснулось краешком горизонта, когда мы втроём вышли наконец к старому щебкарьеру. Пологий, несколько раз оползавший склон весь порос ковылём и клу-бился при малейшем ветерке. Мы стояли будто на краю облака и смотрели на показавшийся вдали город.

– Я, наверное, с ума схожу, – жалобно призналась Люська. – Что это там? Вон там, видите?

Внизу шевелились тростники, далеко впереди посверкивала вода. А метрах в трёхстах от нас на каменистой, словно нарочно кем-то выровненной площадке стояли рядышком скамейка и бетонная урна. Солнце осветило их напоследок, и они были очень хорошо видны вдалеке – крохотные, будто игрушечные.

– Зря мы тут маячим, – хмуро сказал я. – Давайте-ка отойдём.

Мы отступили от уходящего вниз склона и присели в ковыль. Кажется, из всех возможных маршрутов я, как всегда, выбрал самый неудачный. Ну показался город, а толку? Теперь между нами и майором лежал заброшенный щебкарьер. Обходить его по краю вдоль обваловки – это только к утру дойдёшь. Напрямик идти, по дну?.. А если ангелы опять окопались в щебкарьере? Тут в тростниках не то что корабль –

целый космический флот можно спрятать...

– Минька, – позвала Люська. – А этот ваш штаб... Он ведь где-то здесь, правда?

Я смотрел на неё, соображая. Люська имела в виду пещерку, которую мы с одним пацаном открыли, углубили и оборудовали ещё бог знает когда – лет пятнадцать назад.

– Не влезем мы туда втроём, – сказал я. – Да он уж, наверно, и обвалился давно...

Солнце наконец коснулось дальней кромки щебкарьера. Плохо. Насколько я знаю, ангелы как раз по ночам и работают.

– Ладно, пошли вниз, – решил я. – Только пригнувшись, в рост не вставать...

Мы спустились на дно щебкарьера и двинулись вдоль клубящегося ковыльного склона. Он становился всё круче и круче – видно, грунт потвёрже пошёл. Ковыль скоро кончился, и теперь справа от нас тянулась голая глинистая стена. А слева – тростники. Тоже стеной.

– Вроде здесь... – сказал я, останавливаясь.

Вроде... В том-то и дело, что вроде! Вроде и место – то самое, и пещерка – вот она, и ступеньки вырублены в грунте – я сам их когда-то вырубал и укреплял дощечками...

Не могли эти ступеньки так сохраниться за пятнадцать лет. Их бы уже сто раз дождями смыло. И потом, я же хорошо помню: никаких колышков я перед дощечками не вбивал. Это уже кто-то, видать, после меня поработал.

– Гриша, – тихо позвал я. – А ангелы её никак занять не могли? Ну, там под устройство какое-нибудь...

Гриша с сомнением поглядел на земляные ступеньки и покачал головой.

– Отойдите-ка в сторонку... – попросил я и, достав из сумки пистолет, пошёл вверх по ступеням.

Стоило мне заглянуть в пещерку, как всё сразу стало понятно. Пацаны, пришедшие сюда после нас, догадались укрепить потолок, как в шахте, и углубили пещерку настолько, что в ней теперь могли уместиться уже не три человека, а все десять. Ну точно – пацаны! Уж я-то как-нибудь детскую работу от взрослой отличу! Гляди-ка, и мебель тут у них появилась: два ящика, табуретка... И не лень ведь было из города тащить!

Ну что ж, спасибо, ребята, выручили.

Я выглянул наружу и позвал Гришу с Люськой. Оказавшись в пещерке, они сразу же забились в дальний угол и снова заговорили – тихо, взволнованно, неразборчиво. Я расположился на табуретке поближе к выходу. Ещё раз достал сигарету и попробовал затянуться впустую... Вот подлость, а? Хоть трением огонь добывай! Я спрятал сигарету и задумался.

Как ни крути, а придётся здесь заночевать. А всё из-за Наташки. Не встречу я её тогда у сквера... Ну жизнь! Все неприятности от них...

– Похожа?.. Очень?.. – упавшим голосом переспрашивала

Люська. – Что... и глаза зелёные?..

– Серые, – буркнул я, не оборачиваясь. – Серые у неё глаза.

– А ты откуда знаешь?

И кто меня за язык тянул! Решил же не говорить... Пришлось выложить всё как было. Несколько секунд у меня за спиной стояла остолбенелая тишина – ни шороха.

– Жалко, не я с ней встретилась... – тихо, с угрозой сказала наконец Люська. – Уж я бы с ней по-другому поговорила...

Щебкарьер наполнялся синевой, света в пещерке становилось всё меньше. Вдобавок к ночи холодало, и меня мало-помалу начал пробирать озноб.

Очень мне всё это не нравилось. И что заночевать придётся, и что мать там уже, наверное, с ума сходит... А больше всего мне не нравилось то, что пещерка не имеет второго выхода. Приходи и выливай нас отсюда, как сусликов...

По-моему, я уже дрожал не только от холода. Потом обратил внимание, что в пещерке тихо. Гриша и Люська молчали.

Я повернулся к ним, хотел сказать что-нибудь ободряющее, и тут мы снова услышали жужжание. Оно явно прощупывало склон, метр за метром приближаясь к нам. Вот и дождались! Я сунул пистолет за пазуху и скорчился на табуретке, уткнув подбородок в колени.

Прошло мимо... Нет! Вернулось. Остановилось перед входом в пещерку... постояло, повысило тон и осторожно

стало протискиваться внутрь.

Света в пещерке, можно сказать, не было, и всё же я (уж не знаю, каким образом, – кошачье зрение прорезалось, не иначе!) увидел, что Люська изо всех сил зажимает себе рот обеими руками. Я увидел её страшные, чёрные на белом лице глаза и понял: всё. Кранты, ребята.

Правая – свободная – рука судорожно зашарила по неровному земляному полу и ухватила деревянный ящик. Пистолет давно уже не казался мне оружием, во всяком случае – против этого.

Но тут оно попятилось, постояло с минуту перед пещеркой и двинулось дальше. Отойдя метров на сто, взмыло и, истончась до комариного писка, растаяло над щелчком карьером.

Я не знаю, сколько мы ещё сидели, боясь пошевелиться. А потом я услышал всхлипывания. Плакала Люська.

– Гады!.. – изумлённо выдохнул я. – Ах, вы гады!..

Страшные чёрные ругательства готовы были хлынуть горлом, но я заставил себя замолчать. Почудилось вдруг, что ненависть эту нельзя растрачивать вот так – попусту, в воздух...

Время шло. Серое пятно входа исчезло, было черно, как в печке.

– Не смей! – вскрикнула сзади Люська. – Не смей, слышишь! Минька!..

– Что там у вас? – Я обернулся и ничего не увидел.

– Он хочет выйти! – в ужасе сказала она. – Он хочет сам!..

– Сидеть! – сказал я в темноту. – Ушибу дурака!..

– В конце концов они охотятся не за вами, а за мной! – ответил мне срывающийся Гришин голос. – При чём здесь вы?

Я не дал ему договорить.

– Нас решил спасти, да? Ну спасибо тебе, Гриша! За каких же сволочей ты нас с Люськой держишь, а? Да на кой нам чёрт такое спасение!

– Что я без тебя делать... – начала было Люська и смолкла.

Вдалеке по щёбкарьеру гуляло еле слышное жужжание. Нет, на этот раз, кажется, послышалось... Нет, не послышалось!

Жужжит, зараза...

На плечо мне легла Люськина рука и, быстро скользнув вниз, потянула из моих пальцев пистолет.

– Ты чего? – испуганно спросил я и поднялся. Мы стояли, пригнувшись и всё же упираясь головами в потолок. Люська слабо, но настойчиво тянула пистолет на себя.

– Я пойду... – Она словно бредила. Мы стояли лицом к лицу, почти соприкасаясь лбами, и, однако, я еле мог её понять – так тихо она говорила. – Отойду подальше... и выстрелю...

– Молодец, – сказал я, отбирая у неё пистолет. – Умница... Никуда ты не пойдёшь. Гриша, ты где?

Гриша стоял рядом и напряжённо вслушивался. К счастью, он, видно, не разобрал, о чём мы. Иначе бы снова по-

лез приносить себя в жертву.

– Где дырн? – спросил я. – Опять бросил? Я же сказал: из рук не выпускать! За Люську отвечаешь, понял? А я пока пойду разведу, что и как... Нельзя здесь больше оставаться.

Чёрт, а вылезать-то страшновато... Я заставил себя выбраться из пещерки и оглянулся.

– Сидеть и ждать меня, – сказал я тихо. – Гриша, всё понял?..

Глава 18

Я соврал ребятам. Скажи я им правду – они бы вцепились в меня и никуда бы не отпустили. Я собирался сделать то, чего не разрешил Люське: отойти подальше и выстрелить. Пускай тогда за мной за одним попробуют поохотиться...

Но они уже охотились за мной. Оранжевая игрушка так и притягивала к себе – жужжание наплывало из темноты то справа, то слева. Я ложился на землю, машинку – под брюхо, и жужжание промахивалось. Я выжидал, пока оно уплывёт подальше, вставал, а шагов через двадцать всё начиналось сначала.

И всё же лучше было вот так играть с ними в кошки-мышки посреди ночного щебкарьера, чем сидеть в этой проклятой пещерке и ждать, когда за тобой придут... Да и потом – не со смертью же я в конце концов играю! Это локатор! Это всего-навсего локатор. Ну засекут они меня, ну прибегут... А там мы ещё посмотрим, кто кого! Я ведь старый щебкарьер на ощупь помню – мы его пацанами весь излазили...

Откуда же я знал, что это будет так страшно?! Оно накрыло меня на железнодорожной насыпи. Я шёл по трухлявым, без рельсов, шпалам, чувствуя, как огромная невидимая рука шарит вслепую по щебкарьеру. Вот она подбирается ко мне сзади... Спрыгивать с насыпи было поздно, и я упал прямо на шпалы.

Какое, к чёрту, жужжание – теперь это был рёв!

Сотрясая насыпь, оно прошло по моей спине. Такое ощущение, как будто с тебя – без боли – сдирают кожу от пяток до затылка. Сдирают и скатывают в рулон.

Я был оглушён, раздавлен и даже не знал, жив ли... Пошевелился, понял, что жив, и долго ещё лежал, всхлипывая и уткнув лицо в пыльную сухую землю между шпалами.

Дядя Коля рассказывал: немцы в войну вместе с бомбами сбрасывали пустые бочки из-под бензина, насверлив в них дыр. И бочки выли, падая. Выли так, что люди сходили с ума...

Я поднял голову и увидел прямо перед собой облачко золотистой пыли, встающее над чёрным краем щебкарьера. Это светился ночной город. Мой город.

И вдруг лицо мне обдало жаром, как от неостывшего стального листа!

МЕНЯ, МИНЬКУ БУДАРИНА, ВЫЛИВАЮТ ИЗ НОРКИ, КАК СУСЛИКА! МЕНЯ ГОНЯТ ПО ЩЕБКАРЬЕРУ! Я СЮДА ПАЦАНОМ ИГРАТЬ БЕГАЛ, А ВЫ МЕНЯ – ПО МОЕМУ ЩЕБКАРЬЕРУ? ПО МОЕЙ ЗЕМЛЕ?..

– Сволочи! – прохрипел я, поднимаясь в полный рост. – Ну, где вы там? Ну! Ангелы поганые!..

В щебкарьере было тихо. Жужжание, словно испугавшись, умолкло совсем. Я чувствовал, что ещё минута – и я начну палить куда попало, пока не набью грунтом доверху паскудную камеру их паскудного коллектора!..

И тут пришла мысль. Страшная. Сумасшедшая. Я остолбенело уставился на светлую даже в этой темноте линзу моей машинки и медленно, на ощупь, перевёл рычажок на самый широкий захват.

Повернул оружие стволом к себе и отнёс руку как можно дальше. Нет, не получается...

Тогда я спустился с насыпи, сел, скинул с правой ноги кроссовку, сорвал носок и установил перевёрнутый кверху рукояткой пистолет в щели между камнями. Большой палец ноги еле пролез между спусковой клавишей и клювообразным прикрывающим её отростком. Я скорчился, чтобы попасть в прицел целиком, и поглядел в слабо тлеющую и как бы дышащую линзу. Я давно уже забыл о пещерке, о Грише с Люськой, даже город, мерцавший на горизонте, словно бы погас. Остались только ненависть, темнота и круглый немигающий глаз дьявольской игрушки. Вот оторвёт ногу к чёртовой матери...

«Что же я делаю?!»

Я выругался шёпотом и нажал пальцем босой ноги на курок.

* * *

На секунду меня обдало не то жаром, не то холодом – чем именно, не разобрал, слишком уж быстро всё случилось. Насыпь, на которую я опирался спиной, исчезла, и я, потеряв

равновесие, повалился на гладкий пол, вскинув босую ногу. Целую и невредимую. Ну что ногу не оторвало – это я ещё понять могу. А вот то, что на ней, подобно раку, защемиив большой палец, всё ещё болтался пистолет... Впрочем, удивляться мне было некогда. Я сорвал пистолет с ноги и вско-чил. Стены – кругом. Вот она, камера коллектора...

Не раздумывая, я двинулся прямо на стену, как будто ждал, что она передо мной расступится. Не расступилась. Грубая броневая плита без единого шва. Приблизительно на уровне глаз она была побита и чуть вдавлена, словно её пытались уже то ли проломить, то ли проплавить. Потом я обратил внимание, что машинка моя сдохла. С какой бы силой я ни стискивал рукоять пистолета – мурашек не было. Всё правильно. По логике он и не должен действовать в камере коллектора. Должен сработать какой-то предохранитель...

И куда же это я себя загнал?.. Трогая ладонью грубый металл стены, я обошёл камеру кругом и снова остановился возле выбоины.

Постой-постой... Предохранитель?

Сам не знаю, что это на меня такое снизошло, но в следующий миг я уже сдвинул ствол, разъял рукоятку, вынул стеклянный экранчик... Стоп! Дальше можно не разбирать. Вот она, деталька, на виду...

Я подковырнул её лезвием перочинного ножа, и, полупрозрачная, словно наполненная светом, она выпала на пол и разлетелась под ногами в мелкую стеклянную крошку.

Медленно, опасаясь коснуться ненароком какого-нибудь контакта, я вставил на место экранчик и состыковал рукоятку. Задвинул ствол до упора – и в тот же самый момент брызнули мурашки...

Я поспешно вскинул пистолет к выбоине в стене и утопил спусковую клавишу.

* * *

Интересно, рискнул бы я тогда выстрелить, зная наперёд, что из этого выйдет? Ох, сомневаюсь...

Грохот? Скрежет? Шипение?.. В жизни своей я не слышал звука страшнее. Пол вывернулся у меня из-под ног, и я кубарем полетел вперёд – в искрящую электрическими разрядами черноту.

* * *

...Я полулежал-полусидел на гладкой, волнообразно изогнутой поверхности, а в метре от моего плеча трещало и сыпало искрами короткое замыкание. В его синеватом, вспыхивающем и гаснущем свете я увидел прямо перед лицом грозный блеск обнажённого металла, словно кто-то держал у моего горла огромное кривое лезвие.

Боясь пошевелиться, я скосил глаза вправо. Там, отра-

жая какой-то бледный полусвет, изгибались ещё два таких же лезвия. Осыпаясь искрами, я начал осторожно протискиваться туда, вжимаясь спиной в гладкую, наклонённую от меня стену. Добравшись, понял, что свет сеется из глубокой прямоугольной ниши, до нижнего края которой я вполне достаю рукой.

Кое-как забравшись в неё, я смог наконец оглядеть целиком мерцающую металлом конструкцию.

Представьте себе клубок... Нет, не клубок – путаницу огромных и, как мне показалось, стальных лент – каждая шириной до полутора метров, а толщиной... Плита. Броневая плита. Причём это была не беспорядочная груда лома – ленты изгибались правильно, красиво, металл клубился, образуя что-то вроде гигантского цветка.

Потом до меня дошло, что ниша, в которой я сижу, – вовсе не ниша, а скорее тупичок, оставшийся от какого-то коридора. Остальное было отхвачено напрочь – наискось, как бритвой...

И лишь после этого я сообразил, что произошло.

Передо мной мерцала металлом камера коллектора, пожравшая сама себя, вывернутая наизнанку моим последним выстрелом. Я посмотрел в самую гущу оцепеневшего стального смерча и содрогнулся, представив, что стало бы со мной, будь я в него затянут...

Кстати, машинка, каким-то образом не оброненная во время всех этих кувырков и падений, снова была мертва. Те-

перь уже навсегда.

Стены тупичка медленно гасли. Единственная целая стена на треть ушла вбок да так и осталась в этом положении, так её и заклинило... Тут я вспомнил наконец, зачем я здесь, и тяжело поднялся на ноги. Пролез в вертикальную полуметровой ширины щель и оказался в другом коридорчике, стены которого болезненно трепетали синеватым бьющимся светом. Одна лишь торцовая стена сияла ровной медицинской белизной. Я шагнул вперёд, и она исчезла – скользнула в пол, открывая мне путь в глубь корабля, к самому их горлу...

* * *

Мне бы только до вас добраться, а там – хоть волк траву ешь!..

Припадая на босую ногу, я шёл сквозь корабль, и стены едва успевали отскакивать – вверх, вниз, в стороны... Последний тупик, последняя расступившаяся переборка – и я ворвался, прихрамывая, в круглое помещение с пультами вместо стен.

Навстречу мне вскочили двое – ангелы. Один молоденький – таким, наверное, Гриша был лет в семнадцать. Другой пожилой, с тусклыми волосами, – таким, наверное, Гриша будет лет в пятьдесят...

Секунду мы смотрели друг на друга: аккуратные, подтя-

нутые ангелы в чистеньких комбинезончиках и я – расхри-
станный, грязный, одна нога – босая, в руке – тусклый от
пыли пистолет.

– Что, чижики? – выдохнул я наконец. – Не ждали?..

Глава 19

Они выхватили оружие одновременно. Я увидел две тусклые мёртвые линзы, и губы мои повело в злобной усмешке. Так стальные листы ведёт после отжига.

Им хватило доли секунды понять, что машинки их сдохли и что они оба стоят передо мной безоружные. Я сделал шаг, и ангелы попятились.

Припадая на босую ногу, я подошёл к плоскому, как стол, пульту в центре рубки и с маху грохнул белесый от пыли пистолет об его чистенькую гладенькую поверхность. Сел в капитанское – или какое там? – кресло и, подавшись вперёд, бешено уставился на пожилого.

– Доигрались? – с ненавистью выговорил я. – Допрыгались, ангелочки?..

Я знал, что живым мне отсюда не уйти. А ещё я знал, что начну вот с этого самого пульта в центре рубки. Жаль только – ничего тяжёлого нет под рукой. Ладно! Кулаками буду расшибать, головой, чем попало!..

– Как вы проникли сюда? – с запинкой спросил пожилой ангел по-русски.

– Не твое собачье дело! – прохрипел я.

– Простите?..

На их смуглых лицах стыли растерянность и страх. И я понял вдруг, что на корабле нас всего трое: я и они. А осталь-

ные, видно, в разбеге – Гришу ищут...

– Слушай, ты! – сказал я пожилому. – Если кто-нибудь из вас хоть пальцем Гришку тронет – не жить тебе, понял? И ангелочкам твоим – не жить! Так им и растолкуй!..

Он не слушал меня. Он смотрел на мою растопыренную пятерню, упёршуюся в приборную доску.

– Я прошу вас не трогать пульт!

В голосе его была тревога. Я поглядел на клавиши, и что-то остановило моё внимание. Что-то очень знакомое... Вот оно! Четыре квадратные чёрные кнопки впритык друг к другу. Те самые кнопки, которые Гриша нацарапал когда-то прутиком на асфальте. Меня обдало со спины такой волной озноба, что я даже выпрямился в кресле...

Следя за тем, как у пожилого меняется лицо, я наклонился к пульта и надавил первую кнопку.

Верхнюю левую – раз, нижнюю правую – два раза, верхнюю правую и нижнюю левую – одновременно... Теперь осталось – верхнюю левую...

Мой палец остановился в сантиметре от кнопки.

– Нажать?.. – сипло спросил я.

Пожилой был бледен.

– Вы тоже погибнете, – быстро предупредил он.

– Ага... – словно вся пыль щёбкарьера осела у меня в горле. – С тобой за компанию... А народ-то твой весь – в поле... А вернуться-то им будет – некуда... Вот такие дела, дядя...

Смуглое лицо пожилого ангела окаменело. Несколько огоньков на пульте бились, как в истерике, исходя прерывистым мушиным звоном. Надо полагать, с того самого момента, как я нажал в камере коллектора спусковую клавишу моего пистолета.

– В общем, так... – сказал я. – Слушай сюда... Вы сейчас собираете манатки...

– Простите?..

– Собираете манатки! – яростно повторил я. – И исчезаете отсюда к ангельской вашей матери! Слушай сюда! – заорал я, заметив, что он опять хочет переспросить. – И если я ещё раз увижу здесь ваши одинаковые морды... или услышу эту вашу гуделку!..

Дальше я говорить не мог – перехватило дыхание.

– ...пожалеете, гады!.. – просипел я из последних сил.

– От чьего имени вы говорите?

– Какая тебе разница!

– Я прошу вас уточнить. Вы представляете государство?

– Да! – нагло выговорил я, глядя ему в глаза. – Представляю государство.

Я закинул ногу за ногу и качнул перед ним грязной босой ступней. А что мне было терять?

– Я прошу правильно понять нас, – сказал пожилой. – Мы не имеем целью вмешиваться в вашу жизнь.

– А какого ж тогда чёрта вмешались?

– У вас пребывает наш человек. Мы имеем целью вернуть

его обществу.

– Перебьётся ваше общество!

– Простите?..

– Гришу вы не получите. Всё! Точка!

На этот раз, видать, он Гришкино имя расслышал хорошо.

– Григорий Прахов? – отрывисто переспросил он.

– Да, – сказал я. – Григорий Прахов.

У пожилого ангела был ошарашенный вид.

– Надеюсь, вы не имеете целью удерживать его здесь силой? – встревоженно спросил он. – Я прошу правильно понять нас: это несчастный и совершенно бесполезный для вас человек... Уровень его информированности...

– Что?! – Меня подняло с кресла, и ангелы отшатнулись. Вот так, наверное, и мы втроём вжимались в глинистую стену пещерки, когда на нас надвигалось жужжание их ангельского локатора... – Силой?! Это мы его – силой?..

– Конечно, он заслуживает наказания, – торопливо проговорил пожилой, – но, право, не столь сурового. Поймите, оставить его здесь, у вас...

Тут он запнулся, с недоумением глядя, как я, потеряв от бешенства дар речи, беззвучно открываю и закрываю рот.

– Он что? – вытолкнул я наконец. – Обратного просился?

Ангел опешил.

– Нет, но... Мы полагаем, что он успел осознать невозможность своего пребывания...

– А ты его об этом спрашивал?

– Мы не можем его спросить, – возразил ангел. – Мы предприняли две попытки войти с ним в контакт – и оба раза безуспешно.

– Ну так меня спроси! – огрызнулся я и снова сел в кресло, рука – на кнопке.

Молоденький ангелочек вздохнул коротко и начал было тихонько переступать вдоль стеночки.

– Куда? Стой где стоишь!

Ангелочек замер.

– Иными словами, – озадаченно сказал пожилой, – вы хотите нам что-то сообщить от его имени?

Я открыл рот и с наслаждением выговорил всё, что я хотел им сообщить от Гришкиного имени. Подробно и с указанием дороги.

Ангел соображал.

– И вы на этом настаиваете?

– Да! – бросил я, не задумываясь, а на чём это я, собственно, настаиваю: на тех этажах, которыми его только что покрыл, или ещё на чём?..

Ангел молчал. У него было измождённое лицо. Он как-то сразу растерял всю свою молодость и словно дряхлел на глазах.

– Мы принимаем ваши условия, – услышал я его усталый до безразличия голос.

– Условия?..

– Вернуть на корабль наших людей. Покинуть планету. Не

возвращаться. Разве я неправильно вас понял?

Что-то громко брякнуло об пол, и я чуть было не нажал кнопку. Ангелочек, виновато на меня глядя, поднимал оброченный пистолет. Может, разоружить их на всякий случай?.. И тут до меня наконец дошло.

– Повтори... – хрипло потребовал я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.